

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Головков А. Битва за рай: рассказы. – Новокузнецк, 2008. – 54 с.

К 30-летию КЛФ «Контакт»

Александр Головков

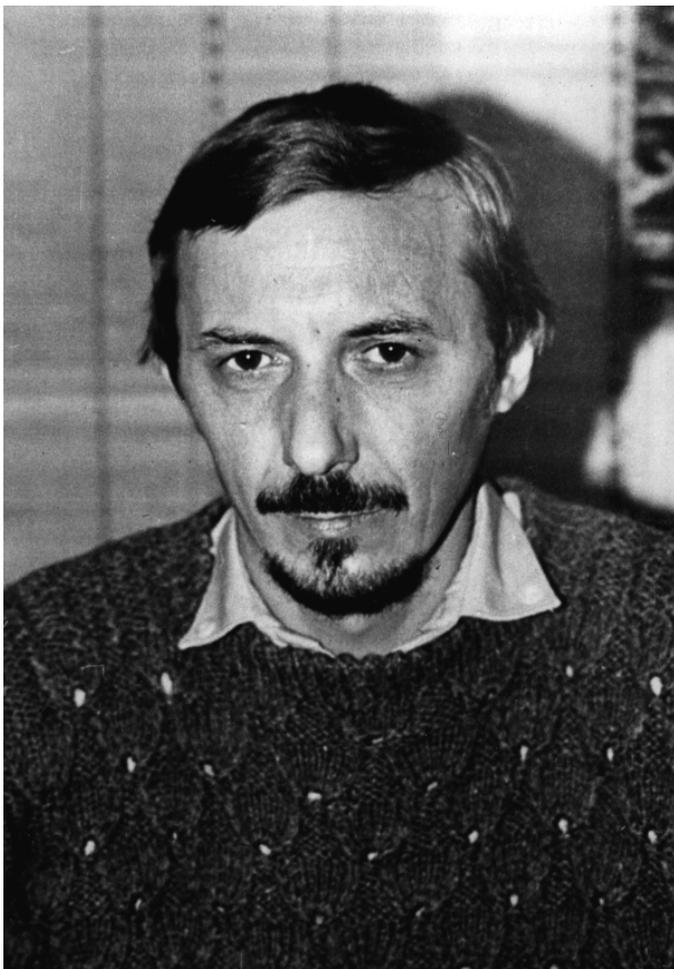
Битва за рай

Рассказы

За добрыми приключениями не надо далеко ходить –
они вокруг нас, рядом с нами.
Читая название этой книжки, вы уже участвуете в них.

Новокузнецк
2008

Ответственный за выпуск – Калашников Н.Н.

ГОЛОВКОВ Александр Анатольевич (15 июня 1957 г., Новокузнецк – 30 января 1999 г., Новокузнецк). Закончил Новокузнецкий горномашиностроительный техникум в 1977 г. Около двадцати лет проработал на производстве. Затем ушел в журналистику. Сотрудничал со многими городскими газетами. В КЛФ "Контакт" пришел в 1981 г. Первая НФ-публикация – рассказ "Соседи" – в газете "Сельская правда" 12 июля 1983 г. В 1997 г. рассказ А. Головкова "Монолог Харона с Цербером на поводке" номинировался на премию "Интерпресскон" (одну из самых престижных в российской фантастике) по разделу "Короткий рассказ". В 1999 г. Кемеровское отделение Союза писателей планировало принять его в свои ряды.

Книжка, не вышедшая при жизни

Эту книжку – первый свой авторский сборник – Александр готовил к печати сам. Но выйти в свет при жизни автора эта книжка не успела. Ранняя, нелепая смерть помешала многим планам Саши.

А я вспоминаю время, когда молодой двадцатичетырехлетний инженер завода строительных конструкций Саша Головков пришел в клуб любителей фантастики «Контакт». Это было в 1981 году. Саша сразу же включился в нашу работу и взял на себя часть переписки с другими клубами, принес в «Контакт» свои первые рассказы и варианты своей первой повести. «Соседи», «Адаптация», «Дельцы», «История любви», «Люди в квадрате», «Полчаса из жизни комнатных мух»...

Мы читали и обсуждали его рассказы с не меньшим удовольствием, чем произведения уже признанных авторов. Порадовались за Александра, когда в 1983 году были опубликованы его рассказ «Соседи» в газете «Сельская правда» и его повесть «Экспертиза на искренность» в областном альманахе «Огни Кузбасса». И снова обсуждали на клубе уже опубликованную повесть.

В октябре того же года «Контакт» в газете «Сельская правда» делал свою первую страничку фантастики. Ее стержнем стал рассказ Александра Головкова «История любви». Здесь же была опубликована и моя маленькая рецензия на его повесть – наверное, первое упоминание в критике о творчестве А. Головкова. С тех пор его произведения появлялись на страницах многих периодических изданий. Тогда же мы послали три его рассказа на конкурс, проводившийся владивостокским клубом любителей фантастики «Комкон-3». Один из них – «Полчаса из жизни комнатных мух» – получил специальную премию. Учитывая, что на этот конкурс было прислано 212 произведений 52-х авторов из 36 городов, а многие рассказы рецензировались известными писателями Аркадием Стругацким и Михаилом Пуховым, то для начинающего фантаста это была более чем высокая оценка.

Его писательскому становлению помогло и участие в других конкурсах. В 1988 году мы проводили конкурс фантастического рассказа к 10-летию «Контакта» на страницах «Сельской правды». Конкурс получился гораздо шире, чем мы ждали. На страницах газеты появились рассказы авторов не только из Новокузнецка и Новокузнецкого района, но и из Абакана, Киева, Таштагола. Саша тоже принял участие в этом конкурсе, и его рассказ «Дураки в раю» занял первое место.

Фантастика для Саши никогда не была самоцелью. Это был скорее прием, который позволял высветить некоторые стороны нашей сегодняшней жизни, с мягким юмором и с достаточно жестким реализмом показать то, что ему активно не нравилось. С болью и горечью за нашу истерзанную экологию и демографию (чуть суховатые, насыщенные светлой горечью рассказы «История любви», «Былина»), за нашу очень

часто исковерканную нравственность (начиная с самых ранних – «Соседи», «Дельцы»), за литературу, мнящую себя учителем жизни (рассказ «К слову о критике»), за реалии новой «демократической» действительности (последние рассказы Саши)...

Александр был участником девятого всесоюзного (последнего перед распадом СССР) семинара молодых писателей, работающих в жанре фантастики, приключений и детектива, состоявшегося в Юрмале в 1990 году. Его рассказы печатались не только в газетах и альманахах Кузбасса, но и в московских сборниках фантастики, изданных «Молодой гвардией», – «Ветка кедра» (повесть «Сто двадцать первая область») и «Фантастика-91» (рассказ «Блондинка»), в новосибирском журнале «ЭКО»... Большой радостью для Саши и для нас был выход в свет в Кемеровском книжном издательстве в 1990 году сборника «Просто фантастика», в который вошли повесть и больше десятка его рассказов.

В 1997 году Сашин рассказ «Монолог Харона с Цербером на поводке» попал в номинационный список премии «Интерпресскон» – одной из самых престижных российских премий в области фантастики – по номинации «Короткий рассказ». «Монолог...» занял по результатам голосования пятое место из 16 номинируемых рассказов. Если учесть, что в списке было достаточно известных имен и Сашу в Петербурге никто не знал – значит, оценивали только качество текста. Это была значимая ступенька в его творчестве.

Александр был очень работоспособным и одновременно очень требовательным к себе человеком. Им написано около ста рассказов и повестей. К сожалению, далеко не все они дошли до читателя. Закономерным итогом его почти двадцатилетней творческой жизни мог стать прием в 1999 году в Союз писателей (он знал, что в Кемеровской областной писательской организации было такое намерение, и готовился к этому).

Незадолго до своего трагического финала Саша с увлечением говорил мне, что нашлась-таки возможность выпустить книжечку его рассказов.

Вот теперь этот сборник выходит в свет. Я надеюсь, что он найдет своего читателя.

Идет уже десятый год после смерти Саши, но мне до сих пор трудно поверить, что его нет. Где-то внутри еле-еле, но теплится надежда: пусть не сегодня, не завтра, пусть когда-то я снова увижу его грустную улыбку и услышу тихий голос: «Коля, есть новый рассказ. Хочешь почитать?»

Николай Калашников,
президент Новокузнецкого клуба любителей фантастики
«Контакт»

БЛОНДИНКА

Владислав Игоревич спал нагишом, укрывшись мягким теплым одеялом, на широкой кровати. Он любил телесный комфорт, и душа от этого у него была мягкой, молчаливой. Будильник он заводил на без четверти шесть. В шесть часов начинались передачи местного радио, от которых он просыпался окончательно. А меж тем он дремал и нежился в постели.

– На работу проспичь, – послышался ему женский голос.

Приснилось. В его комнате никогда не было женщин. Он избегал страстей, и страсти его избегали.

– Вставай, будильник прозвенел давно, – повторился голос уже с нотками раздражения.

За окном серел рассвет. Он подумал, что это слышались голоса соседей за стенкой, протянул руку в изголовье и включил свет.

Одеяло свесилось на пол. Простыня сбилась с постели и лежала рядом, раздражая вялыми складками. Он хотел поправить ее.

– Отстань, – недовольно буркнула она.

Серьезным людям в жизни не везет. А Владислав Игоревич был серьезным.

Или считал себя таковым. Какую ошибку он совершил в жизни?

В динамике зашипело, потом грянул первый аккорд и хор подхватил гимн: «Союз нерушимый республик свободных...»

Простыня у него была одна. Старая. Жалко ее было выбрасывать. Когда к вещам относишься тепло, вещи оживают.

– Началась постельная лирика, – не узнавая своего голоса, произнес Безуглов.

Вот за что он и не любил фантастику – потому что там придумывали чепуху вроде той, которая с ним приключилась.

Больше Владислав Безуглов решил пока ничего не говорить. Он подошел к окну, чтобы определить какое теперь время года. Вчера была весна. Если бы сегодня наступила осень... Он раздвинул гардины. Была весна. Весна, природа пробуждается. Поэтому все может быть.

– Будешь на работе, подумай, как нам жить дальше, – сказала за спиной у него простыня.

– Что ты имеешь в виду? – он обернулся, надеясь, что ответа не услышит.

– Ты не находишь, что мы разные. Мы потеряли интерес друг к другу.

– Ну, – согласился Безуглов.

– Я так жить не могу, – продолжала простыня. – Давай расстанемся. По-хорошему.

– Это как?

– Не валяй дурака, ты прекрасно знаешь, что я говорю о разводе.

– Да?

– Мне нужен документ.

– Разве мы супруги?

– Но ты со мной спишь. Сколько лет!..

– Не с тобой, а на тебе.

– Какая разница?
– Я не могу дать развод, потому что ни на ком не женат.
– Ах, так?! Тогда женись!
– Чтобы жениться, нужна женщина, – без претензии на оригинальность сказал Безуглов.
– А я, по-твоему, кто? – спросила простыня. – Что ты строишь удивленные глазки? Ты со мной спишь. Почему ты думаешь, что на мне не надо жениться?
– Я прожил тридцать лет и три года, – овладев собой, ответил Владислав Игоревич. – И не слышал, чтобы вещи говорили. Да притом всякую чепуху.
– Значит, я для тебя вещь, – обиделась простыня. – Почему же ты со мной спишь?

Владислав Игоревич не стал обсуждать положение. Он собрался, выпил чаю и ушел, надеясь, что как все началось, так все и образуется. Сказано уже, что был он человеком серьезным, нелепости его не занимали. Подумаешь, какая-то тряпка впала в амбицию. Выходя за дверь, он еще помнил о ней. Но, придя на завод, он уже думал о другом. Его ждала работа.

Работа – это один из способов уединения. Агрегатные станки, токарные полуавтоматы... Все требовали к себе его внимания. На девушек, работавших за станками, он никакого внимания не обращал. За исключением, разве, нормировщицы Светочки. К ней он относился дружелюбно, как к хорошей соседке. Об этом все знали в женском коллективе. Но это ему было безразлично.

У него был свой кабинет – мастерская с табличкой на двери: «Наладчик», где он работал и отдыхал. Там стояли верстак, три небольших станочка и мягкий диван. Там он пил чай со своим единственным другом электриком Гудимовым.

В нашей разнообразной жизни Безуглова не могли сбить с его пути ни увеселительные заведения, ни общественные нагрузки, ни спорт. Понимающие люди сказали бы, что он аскет. Дом, работа... Третьего ему было не дано. Но йогой он не занимался. А с работы возвращался домой всегда почти в одно и то же время.

Он прошел мимо разговорчивых соседок на кухне к своей комнате и отпер дверь ключом. Простыня лежала на кровати и смотрела телевизор. Программа посвящалась перестройке.

Кто станет указывать, как развлекаться нечистой силой?

Владислав понял, что придется менять привычный образ жизни. По крайней мере, ту часть, которая называлась досугом. С детства Безуглов не ходил гулять на улицу. В этот вечер он ушел.

Он бродил по улицам и удивлялся, что за глупость с ним приключилась. Какая-то жутко сексуальная история. И с чего! Не был он Нарциссом. А женщин не любил, потому что... Ну, не находил он, что можно в них любить. Ничего смешного тут нет. Если с кем другим такое случилось, можно было бы посмеяться. А ему что теперь делать?! И как это он до сих пор не догадался завести собаку? Или котенка, по крайней мере?

Вернулся он поздно. Простыня читала книгу или делала вид, что читает.

Безуглов достал пакет супа и приготовил ужин. Приглашать к столу бессовестную вещь он, естественно не стал.

– Ты обо мне не заботишься, – сказала простыня, когда он вымыл посуду.
– Я о тебе позаботился, – возразил Владислав. – Я тебя вчера использовал по назначению. Я постелил тебя на кровать. А утром ты...

– Что я? – дерзнула простыня. – Ты, оказывается, любишь семейные скандалы!

– О какой семье ты говоришь?
– Может быть, ты меня еще в шкаф собираешься засунуть?
– Если будешь плохо себя вести, я тебя выброшу!

– Оставь мечты, романтик! Да, я простыня. Но я не бездушное животное, с которым можно обращаться, как попало. Я не виновата, что меня назвали Простыней. А если меня назвали Простыней, это не значит, что на мне можно валяться всем, кому вздумается. Женись сначала!

– Да кто ты такая?
– Ты сам меня сюда притащил, я не напрашивалась.
– Но я же тебя взял в магазине. Не тебя, так другую...

– А зачем брал?
От бессмысленных разговоров Безуглову захотелось спать.

– Почему ты не даешь мне денег? – продолжала Простыня.

– Зачем тебе деньги?
– Мне нужно купить кое-что из вещей.
– Косметику тебе не надо?

– Я вижу, ты норовишь всем распоряжаться. Ты приходишь домой и начинаешь копать в вещах так, как в своей душе не копался. Ты считаешь, что вещи должны тебе служить. Кто ты такой?

– Не знаю, вещь ты или нет, – решил положить конец недоразумениям Славик. – Но я точно знаю, что ты не человек: у тебя паспорта нет.

– Есть.
– Ярлык?
– А что? Там черным по белому написано все, что нужно. Вот, я в шкафу нашла, – она предъявила ярлык.

В ярлыке указывалось: «Простыня. Хлопчатобумажная. Фабрика...» Был ОСТ. Номер. Цена первого сорта. Ярлык подлинный.

– Но это не паспорт, – возразил Славик. – А даже если и паспорт... Это технический паспорт. Он не дает не какого права на замужество.

– Он дает право на существование. А тот, кто живет, имеет право выходить замуж. И вообще, Пигмалион на твоём месте почел бы за честь... А ты права качаешь.

По радио прозвучал гимн. Полночь. Пора было спать. Владислав шагнул к кровати.

Ложиться в постель без простыни – выглядело варварством. Ложиться на простыню... Что-то его смутило. Рассудок подсказывал: все нормальные люди спят на простынях. А чувства... Больше всего ему хотелось раздеться лечь и заснуть.

Он откинул одеяло, посмотрел на простыню и указал на матрац:

– Ложись.
Увы, его магическому заклинанию предмет не поддавался.
– Ты в публичный дом пришел? – грубо высказала Простыня. – Я тебе не шлюха!
Безуглову надоели капризы природы. Он хотел расстелить простыню, но она увернулась.
– Ну и черт с тобой. Завтра другую куплю.
Подушку и одеяло он убрал – от греха подальше. Он лег, не раздеваясь, точно турист на привале. Свет погас. Впервые он спал по-спартански. Простыня легла рядом и отвернулась. Утром он не слышал будильника, соскочил с кровати, когда уже пропели гимн.
– Ключи от комнаты оставь, – попросила Простыня.
Он усмехнулся и ушел. Он починил сверлильный станок, отремонтировал шлифовальный, настроил фрезерный...
В этот день ему позвонили на работу. Валентина Николаевна из техотдела пришла и позвала его к телефону. Бывало, Безуглову звонили родители – отец или мать.
В техотделе работали только женщины. Они были наряднее и лукавее цеховских.
– Кто это тебе звонит, Славик?
– Такой тоненький голосок...
– Неужели у нашего Славика завелась зазноба?
Не обращая внимания на смешки, Безуглов взял трубку.
– Алло... Какая простыня?
Что ему говорили, не было слышно. Но по виду его все поняли – что-то оскорбительное. Он злобно покраснел. Затем он сказал буквально следующее:
– Ты с ума сошла! Не валяй дурака, лежи дома!
Женщины в отделе прыснули смехом. Но Безуглову и в лучшие времена было не до них. Он пыхтел в трубку:
– Где ты взяла ключи?
– Где ты взяла деньги?
Потом он будто спохватился, что ведет себя неприлично, сказал сухо:
– Надеюсь, ты будешь благоразумной.
И ушел в свою мастерскую.
После работы он торопился домой. Разговорчивые соседки на кухне приумолкли, когда он вошел. По-видимому, они хотели что-то спросить. Но ему было не до них. Он прошел к своей комнате, достал ключи. Но дверь оказалась не запертой. Простыня сидела за столом и что-то писала. Она успела наутюжиться. От нее пахло духами.
От этого запаха или от ее вида Безуглову стало тошно.
– Где ты была?
– Ходила гулять.
– А что ты пишешь?
– Готовлю сведения, чтобы привлечь тебя к товарищескому суду.

Владислав присел на кровать. Он представил, как его самозванная невеста будет ходить по судам и женсоветам и жаловаться: «Он мне зарплату не отдает. Он меня избивает...» У нее хватит ума и на работу заявить...
– Не примут у тебя заявления, – не очень уверенно сказал он.
– Почему?
– Потому что паспорта нет.
– Не волнуйся, я получу паспорт.
– Какой дурак тебе его выдаст?
– Я уже все выяснила. Я получу паспорт и пропишусь здесь. Посмотрим, как ты потом заговоришь.
Этим вечером Славик лег спать пораньше, с головой завернувшись в одеяло, но все равно до полуночи заснуть не мог.
На работе весь цех обсуждал вчерашний его разговор по телефону. Это невозможно было не заметить. Но он старался не замечать.
– Витя, ты мой самый лучший друг, – за чаем сказал электрику Гудимову. – Мне нужен твой совет. Ты только не перебивай... Не подумай, что я шучу... Дело в том, что ко мне тут простыня одна прилипла. И собирается замуж...
– Симпатичная?
– Да обыкновенная. Белая.
– Ну, так женись. Пора тебе, – не подумав, сказал Витя.
– Но ведь она – никто, простыня.
– Тряпка, что ли?
– Тряпка.
– Тогда не женись.
– Вот и я ей говорю: не регистрируют. А она – свое.
– У нее и паспорта, наверно, еще нет?
– Нету. Но она ничего не хочет слушать.
– Тогда порви.
– Порвать?
Гудимов задумался.
– Вообще-то, жениться тебе надо, – откровенно сказал он Безуглову. – Ты посмотри, сколько женщин в цехе... И диван у тебя такой мягкий, – Гудимов покачался на диване.
Этим вечером Безуглов шел домой с определенной целью.
Он взял ножницы, схватил Простыню и перекинул ее через руку. Вид его выражал решимость.
– Ополлумел?! – взвизгнула Простыня. – Тебя судить будут!
– За что? Не велик грех, если я выкрою из тебя дюжину носовых платочков.
– Поздно! – злорадно выкрикнула она. – Я тебе не вещь! Я сегодня паспорт получила! – она вырвалась и помахала перед ним красной книжечкой с тисненными гербом и буквами. – Что смотришь? Хочешь удостовериться?
По его глазам она поняла, что Славик ей уже не опасен.
– На. Не порви и не испачкай. Это документ!

Смотреть там оказалось нечего. Это был паспорт. Настоящий. С фотокарточкой, на которой запечатлелась помятая физиономия Простыни.

Славику хотелось решительно прервать ход событий, но применять грубую физическую силу, действительно, было уже поздно.

– Как же так? – промямлил он.

– Не скрою, это оказалось непросто, – самодовольно улыбнулась Простыня. – Я ходила к паспортистке. Я предъявила ей ярлык. Я объяснила, что у меня нет другого документа. Я не виновата, что мне такой выдали. Вас не устраивает этот документ? Меня тоже не устраивает. Выдайте, какой надо. Вы женщина, вы должны меня понять, сказала я. Меня послали в исполком. Мне сказали, если будет постановление выдавать паспорта простыням... Им все равно. Они всех паспортизируют. Но в исполкоме сидел какой-то... клерк. Он сказал: «Мы не можем.» Он на меня даже не взглянул. Я предложила ему посмотреть на меня. Он посмотрел. «У вас лица нет». Я объяснила ему, что это от волнения. «Мы не можем. Вы фабричной выделки». Я фабричной выделки? Да если хотите знать, меня на фабрике на руках носили! «Это не меняет никакого дела. На вас цена стоит». И никто меня не выделял! «Все равно. Серийное производство. А таким запрещено. Чем другие хуже вас?» А я чем хуже других? Он сказал: «Но вы же...» Я вскрикнула: «Что? На что вы намекаете, нахал!..» Словом, кое-какими принципами пришлось поступиться.

– И ты собираешься теперь подавать заявление в ЗАГС? – осведомился Славик.

– И в ЗАГС, и в суд!

Теперь он понял, в какую историю вляпался. Попалась ему...

Или он попался? Спал на простыне? Спал. Оправдывайся теперь, доказывай... Ах, но почему он до сих пор не завел собаку?! Простыня будет добиваться своего. Методично, настойчиво. Понесет заявления в суд. Там справки заставят собирать. Пойдет за справками. Чушь! Дадут ей справки... Ну неужели у нас все бюрократы вывелись? Не может быть!

Выбора у Славика уже не было, но у него оставалась надежда. Нет, у него еще был шанс. Жениться. Надо жениться на ком-нибудь, только не на Простыне! Еще можно успеть...

Он спрятался в своей мастерской на работе и ничего не делал. Ему попала газета. Он стал читать какую-то статью о женах – страдальцах, натерпевшихся от мужей. Строчки прыгали у него перед глазами, пот катился со лба. Он достал платочек. За этим занятием его застала Светочка.

– Что с тобой, Славик, Тебе плохо? – она интересовалась его здоровьем.

Он взглянул на нее, ища поддержки. Раньше он ни за что бы не принял помощи от Светочки. Но теперь он рассчитывал именно на нее.

– Я, кажется, получил серьезный стресс, – признался он.

– Стресс? – удивилась Светочка. – От кого?

– Это не производственное, – с усилием улыбался Владислав. – Но ты мне можешь помочь. Обещаешь?

Светочка ничего не обещала, но желала знать, что случилось.

– Я ничего объяснять не буду. Я хотел попросить тебя об одном... – сердце его болезненно билось.

– О чем? – с опаской спросила Светочка.

– Я прошу тебя об одном, – серьезно повторил он. – Выходи за меня замуж.

...Все видели, как из мастерской наладчика выходила возмущенная Светочка.

После работы ему впервые в жизни не хотелось идти домой. Он прошел парк сначала вдоль, затем поперек, обошел кругом цирк, постоял у театральной афиши.

Наконец он вернулся в магазин. За прилавком стояла грустная продавщица.

– Я как-то у вас простыню покупал...

– И что?

– Она бракованная попалась.

– Что с ней?

– Вы не подумайте, дыр на ней нет. Внешне все в порядке. Но, – Славик наклонился к продавщице, – Вы знаете, она все норовит выйти замуж.

Продавщица отвернулась.

– Постельное белье обмену не подлежит.

Безуглов и не надеялся обменять простыню. Даже если бы она и подлежала обмену, она бы этому воспротивилась. Характер у нее таков. Безуглов постоял у прилавка. Он хотел купить другую простыню, но...

Возможно, если бы он притащил домой еще одну простыню или несколько, все вышло бы по-другому. Но он не притащил. Побоялся. Или не смог: нравственные устои не позволили.

Соседки посмеивались на кухне.

Простыня сидела перед зеркалом, держала новенькую косметичку. Она была еще сырая.

– Ванну изволили принимать, – желчно усмехнулся он.

– Да. А что?

Вид у нее был благоухающий, удовлетворенный.

– Ты во многом преуспела, – удрученно сказал Славик. – Тебе удалось получить паспорт. Ты, наверное, хочешь теперь прописаться? Так вот, не надейся. Для прописки нужно заявление квартиросъемщика. То есть, мое. Но я такого заявления не подпишу!

– Обойдемся без твоего заявления, – усмехнулась она.

По этой уверенной усмешке Славик понял, она добьется своего. Почему – он не мог объяснить. Он чувствовал, пути стягиваются. Неужели придется жениться? Ни за что! Но где же выход? Бежать? Куда?

Он приехал к родителям. Не справившись об их здоровье, он прошел в квартиру, сел посреди комнаты на табурет.

– Мама, я, кажется, попал в беду, – уныло пожаловался он.

Отец повел усами. Мать погладила его по голове, как в детстве.

– Ну что ты, сынок, что случилось, успокойся, расскажи...

Он рассказал.

– Что ж ты, так и будешь бобылем жить? – спросил отец.
– Женись, мой тебе совет, – сказала мать.
– Но она – простыня! – закричал он.
– Ну и что? Бери, какая есть. Что ж выбирать? Свою любовь ты должен сам взлелеять, выпестовать... Что дано тебе... Неспроста, неспроста...
– Ты думаешь, твоя мать принцессой была, когда я на ней женился? – добавил отец. – А вот всю жизнь прожили вместе, и не жалею...
– Мама, надо мной смеяться будут!
– Ну и что? Что ты раскис, как тряпка? Будь мужчиной! Любовь вершит над людьми чудеса, Любовь всеильна. Полюби, сумей сделать из нее человека!
– Нет! Я лучше повешусь!
...Весеннее солнце грело, и, глядя на расцветающую зелень, он понял, что не повесится. Повеситься у него не хватит воли. Так неужели жениться?
– Женись, будете жить долго и счастливо, – сказал ему чей-то чужой и далекий голос, точно с небес. – Этой простыней тебя и накроют перед тем, как понести.
Владислав поднял голову и посмотрел в яркое весеннее небо.
Жить с простыней? Ходить по улицам и звать ее:
– Простыня!
А что? Простыня не самое худшее имя. Бывают Домны, Электры... Ходить повсюду и водить за собой постельную принадлежность... Бывает, и хуже живут люди... Жениться? А что? Заведу собаку и буду ее любить. Жить с Простыней, а любить собаку...
Возле дома его встретила управляющая – растрепанная пенсионерка с задушевными глазами.
– А-я-яй, – качала она головой. – А на вид такой тихий. Ты или женись, или не крути ей голову.
– Не крутил я ей голову, – недовольно буркнул Владислав.
– А-я-яй, – качала она головой. – А какая она у тебя худая, бледная...
Пожалей ты ее, смотри, из-за тебя на что она стала похожа...
– На себя она похожа!
– А-я-яй, – качала она головой. – Женсовет заступится.
Владислав Игоревич махнул рукой. Дома у него Простыня наводила порядок.
– Ты извини, что не прибрано, – сказала она. – Приходил знакомый пододеяльник, мы с ним поболтали немножко.
Владислав не ответил и лег на кровать.
– Ты очень огорчился? Не огорчайся, милый. А впрочем, черт с тобой...
Ночью ему снился кошмарный сон. Будто его заперли в тесной комнате без окон, без дверей. Всю ночь до самого рассвета в темноте перед ним летала дикая простыня, норовя обнять... Утром он понял, что женится, что ничего другого с его характером ему не остается.
– А я замуж выхожу, – за чаем сообщила Простыня.
– Да, дорогая, – ответил он.
– Ты не рад?

– Рад, дорогая.
– Я всегда знала, что ты хочешь от меня отделаться, – сказала она.
– Не понимаю. Ты же добила своего, ты выходишь замуж. Я готов.
– Ты? – Она засмеялась. – А причем здесь ты?

ОТПУСК

Молодой специалист Пол Лампьевич Транзисторов решил свой очередной отпуск провести в недалеком прошлом – лет семьдесят назад, когда его бабка Роса Коловна еще в куклы самодельные играла. В профкоме химкомбината ему выдали напрокат портативную машину времени, похожую на велосипед.

– Я бы тоже с тобой... – пожимая на прощание руку, сказал Кент. – Но меня не пустили: общественную работу слабо вел.

Посмотреть на безвозвратно канувшую старину, рыбки половить... Говорят, в прошлом природа была богатая и народ, хоть темен, необразован, но широк душой, добр и приветлив. В предвкушении счастья Транзисторов радостно нажал на педаль, и шумная улица, обрамленная высотными зданиями и стриженными кленами, пропала вместе с потоком машин и пешеходов. Он не боялся потеряться, ведь место для отдыха он выбрал знакомое, как раз то, где сейчас располагался город. В глазах у него потемнело и уши заложило, как при взлете на старых аэробусах. Потом все прошло. Транзисторов отстегнул ремни безопасности, спрыгнул в мягкую траву и огляделся. Он стоял в березовом лесу. Порхали бабочки, запах от поляны несло диковинный. Где-то пели птицы.

«Какое голубое небо, – удивился Транзисторов. – Разве небо бывает таким голубым? И птицы странные. Не воробьи, нет, явно не воробьи. И не вороны. Куда занесло? Может, спидометр отказал? Всучили неисправную технику...»

Транзисторов покосился на машину, сверкающую никелированными трубками в лучах полуденного солнца. Сильная штука. Однако недавнего студента не стеснишь обстоятельствами.

«Куда занесло, там и отдохну», – решил он и стал упаковывать машину, отвинчивая трубки и складывая их в чемодан.

Когда он поднялся, перед ним стояла девушка в просторной одежде и босая. Хоть на лице ее не было и тени косметики, а выцветшей сарафан из грубой ткани похож на мешок, она казалась красавицей, и перепутанные ветром русые волосы удачно сочетались с зеленоватыми глазами. Только взгляд совсем неестественный – внимательный и добрый. Кто же теперь так смотрит, стоя в очереди, толкаясь в автобусе или принимая дома гостей?

– Здравствуйте, – сказала она чисто и выразительно.

– Здравствуйте, – буркнул Транзисторов. С девушкой этой он нигде не встречался, а она поздоровалась, значит, в самом деле, он в прошлом. Он деловито подхватил чемодан и чехол со спиннингом. – До города далеко?

– Верст двести будет, – незнакомка застенчиво улыбнулась.

«Смотри-ка, стеснительная, – отметил Транзисторов. – Может, глупая? Бывают такие люди – им палец покажи...»

– А сама ты откуда? – спросил он.
– Из Малой Щедрухи.
Каких только названий не придумают деревням большим и маленьким...
– Щедруха, – задумчиво пробормотал Пол, вспоминая историю края. – Большая Щедруха – ныне совхоз «Космический», а Малая – это где сейчас Новопромышленный район?
– О чем бы, барин? – опустила глаза красавица.
– Барин, – хмыкнул Транзисторов. – Какой я тебе барин? У вас и крепостное право еще не отменили?
– Домой мне пора, – девушка отвернулась. – Грех не почитать родителей, – она легко шагнула, будто вспорхнула, и скрылась за развесистой березой...
Транзисторов скис. Что хорошего в прошлом? Нравы здесь дикие. В бога верят. Попробуй объяснить неграмотным, что такое машина времени. Испортишь весь отпуск... И все же он пошел вслед за незнакомкой – вернуться никогда не поздно. Будет полезно подышать лесным воздухом, флору и фауну изучить...
Деревенька раскинулась на пологом склоне холма. Приземистые домики теснили к лощине. Где-то в узеньких улочках, затерянных в заборах, беззлобно лаяла собака, словно считала вслух. С поля за околицей, где паслись два неприкаянных теленка, прилетел терпкий запах свежескошенной травы. Лето, видимо, стояло сухое, и дорога, иссеченная телегами, словно во сне, баюкала мелкую пыль. Еще в низине покоились зловонные останки иссохшего озера или болота, там плавали гордые гуси и валялись свиньи. К Транзисторову вернулось настроение: все-таки богатая русская природа и есть своеобразная красота в сельской жизни.
У крайнего дома Транзисторову встретился старик с лопатой и, сверкнув любопытными глазками, громко поздоровался. Транзисторов сдержанно кивнул в ответ – что ему нужно? Но старик улыбнулся и больше ничего не сказал. Поздоровавшись, Транзисторова обогнал верховой на невзвужданной лошади. От ближайшего забора прилетел женский возглас:
– Здравствуйте!
Транзисторов шел через деревню, и с ним здоровались угрюмые бородатые старики и старухи, лузгавшие семечки, занятые по хозяйству женщины и чумазы дети. Всюду его встречали живые, внимательные глаза, любопытство переходило в смущение, казалось, деревня заселена чужаками, у которых основное занятие – здороваться с первыми встречными. По спине Транзисторова пополз холодок: в прошлом году он в Сочи отдыхать приезжал – и то так не встречали. Что-то испортилось в Щедрухе. Мало ли кто куда ездит – разве с ним все здороваться должны? Сбитый с толку, Транзисторов свернул в огороды и под лай окрестных собак, точно под оркестр, забрел в чей-то двор. Навстречу ему вышел худощавый мужик без рубашки и босиком.
– Куда путь держишь, добрый человек?
– Комнату бы снять, – выдавил Транзисторов.
– На постой, стало быть, – уточнил мужик. – На постой заходи. Места хватит – не обидим. Издалека?

– В отпуск я приехал, – сообщил Транзисторов.
Мужик, соображая, почесал небритую щеку и вдруг закричал так громко, что собаки снова подняли лай:
– Степанида, готовь ужин, барин молодой к нам пожаловали!
– Никакой я не барин! – твердо сказал Транзисторов, чтобы положить конец недоразумениям.
– А говорил, в отпуск...
– В отпуск, – настойчиво повторил Транзисторов, – производственный.
– Точно, издалека, – сам с собой согласился мужик, прошлепал по узкому дощатому настилу к летней кухне и крикнул в дверь уже не так громко. – Степанида, странный человек к нам пожаловал, готовь ужин.
– Почему же странный? – опешил Транзисторов.
Мужик посмотрел на него оценивающе, тряхнул космами грязных волос, приглашая за собой, и побрел мимо кучи сломанных колес в дом.
В комнате летали мухи, в открытое окно жгло вечернее солнце. Расположившийся на лавке черноглазый мальчуган лет семи, завидев постороннего, резко собрал баклуши и выбежал из прихожей в смежную комнату.
– Тебя как зовут-то? – спросил мужик, указывая место на лавке за столом.
– Пол.
– Аполлинарий, стало быть. А по батюшке?
– Лампьевич.
– Евлапьевич, – удовлетворенно кивнул мужик. – А меня Евдокимом зовут. Евдоким Фролов Покатилов. Слышал, может? Колеса-то мои по всей округе... Колеса чиню. А ты чего работаешь?
– Химик я.
– Ученый, стало быть.
– Ученый не ученый, – уклончиво ответил Транзисторов.
– То-то я гляжу сукно... – Евдоким протянул руку и пощупал пиджак на Транзисторове. – Немецкий?
– Импортный, – подтвердил Пол Лампьевич.
Сверкая счастливыми глазками, Степанида поставила на стол чугунок с картошкой. В ней зарилось столько душевной теплоты, Транзисторов почувствовал себя раскованно, свободно, как дома. Он облокотился на подоконник и вздохнул:
– Хорошо у вас тут, красиво.
– Красиво, – согласился Покатилов. – Извиняюсь, сундучок у вас тоже не наш?
– Чемодан наш, – небрежно проговорил Транзисторов.
– Петербургский?
– Нет, – местная фабрика, – Транзисторов нахмурился. – Фамилия ваша не идет из головы. Покатилов. Кажется, ваш внук или правнук будет у нас известным поэтом.
– Так ты к нам из будущего, – уловил суть Евдоким.
Поздно было Транзисторову сожалеть о том.
– Из будущего.

– Так бы сразу и говорил, – уважительно запыхтел Евдоким Фролович. – Фабрики, говоришь. Машины диковинные... Технический прогресс. На Луну, верно, летаете?

– Летаем! – Транзисторов обрадовался, что его понимают – понятливый народ!

– А мы вот тут все по старинке... сено косим, коров пасем...

– Мы тоже сено косим, – откликнулся Транзисторов. – Но главное, у нас царя нету.

Евдоким Фролович полез в карман за махоркой:

– Господ много?

– И господ нету. Демократия.

Вошла Степанида и принесла горшок квашеной капусты с морковкой и чесноком.

– Слышь, Степанида, – Евдоким нежно обхватил жену за плечи, – к нам человек из будущего. У них там бар нету!

– Бар нету? – встревожилась Степанида. – Как же так? А кто же придет и рассудит?

– Дура! – разгневался Евдоким и достал из-под стола бутылку с самогоном.

– Барин, он что? Ему только плати. Я вот борова выращивал, старался, жирный такой боров вышел – а он забрал. За аренду. Сволочь он, барин. – Евдоким посидел задумчиво и твердо добавил: – Все баре сволочи.

Степанида вздохнула и снова куда-то пошла.

– Да, будущее – это интересно, – мечтательно продолжал Евдоким. – Должно быть, хорошо там, в будущем. Ой, как хорошо! Оно и понятно, будущее – оно же прогресс, оно же всегда лучше, чем сегодня, – выдрав лист из старой книжки без корочек, Евдоким свернул сигарку и закурил.

Транзисторов вяло смотрел в окно, как Степанида щипала лук на грядке.

– А говорили, крестьяне от зари до зари на поле, – вспомнил Пол Лампьевич.

– Так ведь сенокос, – запыхтел Евдоким. – А день субботный, банный день – святое дело. Вот только Петр придет... А у тебя, Аполлинарий, чай, друзей нету? Что один к нам прибыл?

– Есть у меня друг Кент...

– Иннокентий?

– Да, учились мы вместе. Но его в отпуск не пустили.

– Чудно, – повел бровью Евдоким. – У нас не так. Если я гуляю – вся деревня со мной гуляет.

– Это отошло со временем, – объяснил Транзисторов.

Пришел Петр – угрюмого вида усатый человек. Бережно вычищенные большие кирзовые сапоги на нем поскрипывали.

– Здорово, мужики, – прогремел его голос.

Петр с интересом оглядел приезжего и учтиво подал руку:

– Из будущего?

Транзисторов кивнул.

– А какая же у вас власть? – спросил Покатилов.

– Власть? – улыбнулся Транзисторов, отметив, что более всего неграмотный народ, пожалуй, любит обсуждать политику. – Власть у нас выборная. Она все решает: сколько нужно школ, сколько больниц...

– Вот это жизнь! – восхитился Покатилов. – А у нас даже больницы нету, – скорбно произнес Петр. – Один лекарь ходит по домам и всех лечит.

После бани и щедрого ужина Транзисторов забрался на сеновал и там заснул, согретый и опьяненный душистым сеном. Снилось ему детство, цветы и качели. Проснулся он поздно, когда уже припекало солнце. Евдоким с Петром метали у забора стог.

– Утро доброе! – Крикнул Транзисторов. – Сегодня вы тоже не пойдете на поле?

– Воскресный день, – отозвался Евдоким, цепляя вилами сено. – Грех работать сегодня.

– Работать грех, а сами работаете, – выронил Транзисторов.

– Это не для дела, а так, для себя, – со стога отозвался Петр.

Весть о приезде из будущего уже побывала в каждом доме Малой Щедрухи, и когда Транзисторов умывался на улице холодной водой, мурлыча песенку «Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой», зажиточный сосед Покатилова кричал через забор:

– А как там, в будущем, насчет сапог?

– Свободно лежат.

Сосед откровенно присматривался к туфлям на Транзисторове.

– Хромовые?

Транзисторов поднял ногу, показывая подошву.

– Полиуретан.

Выпив молока, поданного заботливой Степанидой, он помог мужикам завершить стог. Потом они посидели, покурили и пошли ставить стог Петру.

Во дворе Петра Лобанова Транзисторов снова увидел ту зеленоглазую девушку с некрашеными волосами, которая встретила вчера в лесу.

– Здравствуй, красавица.

– Здравствуйте, – сказала она выразительно и застенчиво опустила глаза.

– Тебя как зовут?

– Ефросинья.

Жена Петра, Матрена Аввакумовна Лобанова – румянощекая женщина в сером сарафане притворно жаловалась за обедом:

– Молоко у меня кислое, куры совсем худые, первачок слабый и яйца мелкие. А как в будущем с курами?

– В будущем птицефабрики, – объяснил Транзисторов.

– Чего ради у тебя куры худые? – возразил зажиточный сосед, расположившись за столом, как самый желанный гость. – Твои куры в моем огороде все перепортили. Ты бы хоть крылья им подрезала, что ли. Забор у меня низкий, – доверительно сообщил он Транзисторову. – Вот они, куры, через забор и летают. Эх, кабы досок мне...

– А если господ нету, то чьи же у вас фабрики? – поинтересовался Петр.

– Наши общий, акционерные.

– А куры? – спросил Евдоким.

– У нас все общее.
– И лес? – оживился сосед Евдокима.
– И лес.
– Здорово! – обрадовался зажиточный сосед Евдокима. – Вот бы мне в будущее. Я бы досок-то оттудова попривез!

Только в понедельник у Транзисторова выпало свободное время, и, расхвехлив спиннинг, он отправился к Глубоким Ключам, привычно здороваясь с каждым встречным. Мужики спозаранку ушли в поле, и в деревне хозяйничали дети, женщины, старики, и шлялась под ногами мелкая живность. За околицей заливался жаворонок. Внизу густая растительность выдавала пойму неширокой реки Глубокие Ключи. Когда Транзисторов увидел их, у него перехватило дыхание. Прозрачная вода, зеленый камыш с синими стрекозами, желтые лилии в затонах... Все это так не вязалось с обычными представлениями городского жителя. Будь проклят тот, что первый вылил в Глубокие Ключи ведро мазута. Неприятное чувство шевельнулось в Транзисторове и замерло. Весь день он просидел на берегу, слушая птиц и наблюдая за полетом стрекоз над надводной гладью. В деревню он вернулся на закате, но мужики еще работали в поле.

– А как в будущем с пшеницей? – спрашивали Транзисторова малощедрухинцы.

– Без хлеба не сидим, – сдержанно отвечал Пол Лампьевич.

По деревне ползли сплетни:

– В будущем всего навалом...

– Птиц на фабрике делают...

– Все общее – бери, что хочешь!..

– Демократия...

Иногда эти слухи достигали сознания Транзисторова, и он пытался объяснить их происхождение. «Ограниченный кругозор, одностороннее восприятие жизни, – думал он, снисходительно улыбаясь. – Ясное дело – необразованный... но, главное, добрый народ, приветливый». Прошлое уже проникло в его сердце маленькими привязанностями. Под впечатлением здешней жизни он и не замечал за собой, что чаще, чем нужно, наведывается в гости к Петру Лобанову, где ищет встречи с Ефросиньей. А там, желая чуда, поджидала Транзисторова Матрена Аввакумовна.

– Аполлинарий, – молила она, – отправил бы ты меня в будущее. Хоть на часок, а? Ты не бойсь, я там хулиганить не буду. Я только туда и обратно, на минутку – уж больно охота посмотреть хоть одним глазком, как там, в будущем?

– Я попробую, – рассеянно отвечал Пол Лампьевич и поздним вечером шел на Красную горку посмотреть, как молодежь, вернувшаяся с поля, при кострах играет в лапту и горелки. Там среди ровесников бегала и звонко смеялась Ефросинья. Она казалась такой далекой и недоступной, как иная галактика, – у нее был свой мир, ей светили другие звезды. Тогда Транзисторов открыл как-то чемодан и свинтил из трубок машину времени.

– Ты никак домой собрался? – спросил Евдоким, откладывая недочиненное колесо.

Транзисторов нежно погладил никелированный пульт и тихо улыбнулся:

– Матрена Аввакумовна будущее просила посмотреть. – Хочешь, я вместе с ней и Степаниду твою отправлю?

– Хороший ты мужик, – запыхтел Евдоким и взволнованно полез в карман за махоркой. – Будущее – оно интересно!..

Этой ночью исчезли из Щедрухи две женщины. Весть облетела деревню. Интерес к гостю возрос. Только Петр, было, рассердился, узнав о выходке своей жены, но под натиском общего мнения, простил: все-таки в будущее сгинула. Транзисторов с тех пор каждый день стал уходить с мужиками в поле, где от зари до зари косили они траву. В полевой кухне за обедом он виделся с Ефросиньей. Люди были добры, веселы и не чуждались приезжего. Работали с песнями – так легче.

– А в будущем песни веселые? Спой! – просили Транзисторова.

– У меня голоса нет, – виновато клонил голову Транзисторов. – В следующий раз приеду – вам магнитофон с записями привезу.

Казалось, отпуск складывался удачно. И погода стояла хорошая, редкое облако заслоняло июльское солнце. Но тут как гром с ясного неба, вернулась из будущего Матрена Аввакумовна в противогазе и всю деревню до безумия довела:

– Святы небесныя!.. И даже тучи там разноцветные. Не жизнь у них, а ярмарка – на улицах толкучка, бабы крашенные, почти голые ходют. Дорогу не перейти – сшибут. А вдоль дороги, что твои метлы в землю воткнутые, деревья стоят стриженные, окультуренные!

Глядя на противогаз и представляя метлы вдоль дороги, селяне до утра молились перед лампадкой. Мужики с тоски перепились. К Транзисторову прибежал бледный дьякон малощедрухинского прихода.

– Значит, в будущем конец света?!

– Бросьте вы людям голову морочить, библейские сказки вдалбливать, – осуждающе проговорил Транзисторов.

– Это библейские сказки? – обозлился дьякон, потрясая противогазом. – Антихристы! Истинно сказано, наступит смута великая!..

Чтобы не смущать народ, противогаз тот Транзисторов утопил потом в озере. Мало-помалу страсти утихли; обычным кругом дел, сенокосом, грибной прохладой и запахом земляники хозяйка-природа успокоила души людские. И хоть Степанида по-прежнему была где-то там, в неопределенном будущем, селяне не нервничали. Даже Евдоким, хоть скучал откровенно, но не переживал за нее – вернется. И Транзисторов продолжал ходить с мужиками в поле.

– Слышь, Аполлинарий, – сказал как-то Евдоким, – а то оставайся у нас, в прошлом. Мы тебе всем миром хату справим, такую невесту найдем... вон хоть Ефросинья.

Пол Лампьевич был человеком дисциплинированным. Он покачал головой:

– Не могу.

В силу своего воспитания он, действительно, не мог не вернуться на работу из отпуска и тем самым совершить прогул, да еще оставить у себя,

попросту говоря, украсть, машину времени. А потому в назначенный день он оседал выданный напрокат аппарат, пристегнулся ремнями безопасности и исчез.

Над каменным городом клубился желто-коричневый дым, пахло выхлопными газами и машинным маслом, стоял шум потока людей и автомобилей. Спрыгнув на асфальт, по привычке, выработавшейся в деревне, Транзисторов поздоровался с первым встречным. Тот долго шел, спотыкаясь, и оглядываясь. Окинув взглядом длинную улицу, Транзисторов сообразил, что если с каждым здороваться, скоро язык отсохнет, но когда с чемоданом он влез в автобус, забыл и опять сказал:

– Здравствуйте.

В салоне испуганно зашептались:

– Смотри, глаза горят...

– Уступи ему место...

Транзисторов обиделся и решил добраться до дома пешком. Он отправился напрямик проходными дворами и переулками, но через квартал встретил Покатилову, одетую в модный французский костюм.

– Степанида Прокофьевна! – окликнул Транзисторов.

Та нехотя оглянулась.

– Степанида Прокофьевна, – запыхавшись, подбежал Транзисторов.

– Пани Кофевна, – холодно поправила Покатилова, – А вас не припомню, молодой человек.

– Ну, как же, Пани Кофевна? – обескураженно проговорил Транзисторов. – Ведь мы с вами в Малой Щедрухе...

– Аполлинарий! – выдохнула Степанида, на глаза ее навернулись слезы, которые она тут же смахнула перчаткой и посмотрела с укором. – Что ж ты, насулил добра, говорил, господ нету...

– Преувеличиваете, – нахмурился Транзисторов.

– Как на исповеди, – возразила Степанида. – Только исповедоваться здесь некому – к попу и то очередь.

– Ну, прошлое тоже не сахар, – заметил Пол Лампьевич. – Все лишь бы помолиться... а пьют безбожно.

– Нет, не приемлет сердце мое... – покачала головой Степанида.

– Как вы можете не находить прелести в своем будущем? Ведь это же ваше будущее!

– А как вы отвергаете свое прошлое? Наслушалась я лекций.

Транзисторов недовольно пнул чемодан с машиной времени.

– Хороша диалектика.

– Отправляй меня обратно, – с грустью попросила Степанида.

В проходном дворе было тихо и безлюдно. Лишь воробьи возились с корочкой хлеба.

– Ладно, отпустим грехи друг другу, – примирительно сказал Транзисторов.

Он свинтил трубки, как надо. Степанида забралась на аппарат.

– Живите тут с миром! – махнула она рукой на прощанье.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПРОБИРКИ

В позолоченном окне висел кусочек однотонного оранжевого неба. Вокруг большого агрегата с разрядниками и свисавшими с него шлангами, шумно переговариваясь, за пыльными конторскими столами занимались инженеры. Перед агрегатом сидел Буко и хмуро прикручивал провода.

Экспериментальное бюро, в котором работал Буко, проводило эксперименты ради экспериментов. В основном здесь что-нибудь с чем-нибудь смешивали или спутывали и смотрели, что выйдет. Если в результате получалось что-либо, заслуживающее изучения и дальнейших разработок, дело сразу же передавали в другое бюро. Но иногда экспериментальному планировали изобрести что-нибудь такое невероятное или невозможное. Такую работу поручали Буко. Не потому, что он больше других знал и мог, а потому, что он был безотказным.

В бюро часто забегали разные люди поделиться новостями, посмеяться, пожаловаться. Вот опять рядом с Буко возникла хрупкая фигурка в синем платье и легких туфельках на каблуках-шпильках – сотрудница отдела погоды Лижит Во. Разглядывая агрегат, она склонила набок голову, глаза ее смеялись.

– Тут из будущего прилетали, говорили, что пятьсот лет назад нашу фирму вовсе не Феофраст*, а какой-то Буко организовал. Говорили, ее не было, не было, а потом взяла и вся разом появилась, как сейчас. Буко, это не твой родственник был?

– Нет, – помотал головой Буко. – У меня нет родственников. Я немножко помню, что у меня были родители...

– Родители у всех были.

– Еще помню голубое небо, облака...

– Оранжевое небо.

– Голубое небо, облака и птицы.

– Птицы?

– Да. Это такие существа. Пушистые, теплые.

– И они разговаривают?

– Нет, они не разговаривают. Но они живые, Понимаешь, жизнь существует не только для людей. Жизнь большая, она гораздо больше нашей фирмы.

– Облака, птицы... – задумчиво повторила Во. – Буко, а что ты делаешь?

– Преобразователь времени.

– А для чего?

– Для сдвига пространства.

– Это как?

– Плазма, – неуверенно выронил Буко.

– Буко, а зачем двигать пространство? – глаза у Во были безумные, круглые.

*Феофраст Парацельс (1493-1541) – немецкий врач и философ натуралист (здесь и далее прим. автора).

– Не знаю, – пожал плечами Буко. – Мне поручили работу, вот я и работаю.

– Правильно, Буко, в хозяйстве все пригодится, – вмешался начальник бюро Цицарь. Синий костюм висел на нем небрежно, как на случайном предмете. – Лижит, не мешай. Ты видишь, человек делом занят?

– Что, уж и пошутить нельзя?

– С планом нам шутить никто не позволит.

Во живо отправилась к подружкам, но в бюро вошел Бепле, полный, причесанный, и тоже остановился рядом с Буко, плутовато уставился на агрегат.

– Заканчиваешь?

– Заканчиваю.

– Вот годик поработаешь, Буко, глядишь, тебе администрация седло подарит.

– Зачем? Я не езжу верхом.

– Зато на тебе ездят, – Бепле стряхнул с лацкана пиджака пылинку.

Цицарь посмотрел на него враждебно и хотел было погнать прочь, но дверь снова хлопнула, и в бюро появился Фрист – образец здоровья, носивший всегда оттопыренные усы и синюю рубашку с закатанными до локтей рукавами.

Фрист был начитан. Он окончил университет. Факультет журналистики, изучал философию и древнюю литературу. С ним никто не мог спорить, потому что он всем доказывал, что материя первична, и сыпал цитатами на разных языках. Законченный материалист, Фрист ненавидел интеллигенцию и работал техником уборочных агрегатов на седьмом этаже, где размещались экспериментальное бюро и разные другие отделы. Принципиально.

– Буко, а у тебя какой главный принцип в жизни? – с ходу спросил он.

– Работать, что же еще? – ответил Буко.

– А для чего работать?

– Для души, для развития нашей фирмы.

– Ну и дурак же ты, Буко, – сказал Фрист. – Души вообще нет, а фирма большая. Ей принадлежит небо. Как же ты можешь ее сознательно развивать? Я понимаю, работа в жизни главное, если за работу хорошо платят. Материя, – Фрист сделал пальцами, словно пересчитывал зарплату, – каждому ее отведено понемногу. В жизни надо взять свое. Ну, и чужое прихватить, если подвернется. Какова материя, таково и сознание. *Ab ovo**. И не мы развиваем фирму, а фирма развивает нас.

– Ну чего пристали к человеку? – рассердился Цицарь. – Делать вам нечего?

– Материя первична, – сказал Фрист.

– Иди отсюда! – угрожающе надвинулся на него Цицарь. – Не то возьму сейчас материю... да по твоему сознанию!..

– Ладно, ладно! – замахал рукой Фрист и пошел в дальний угол, где вокруг Во собралась компания.

– Лижит, а почему сегодня дождь передавали?

– Да и не знаю, – озабоченно отвечала Во. – Я просила, чтобы сделали сухо. Видите, сама на работу в туфельках пришла и зонтик даже не захватила. А они не послушали...

В Москве в нишах небоскребов гнездились птицы. Снова от землетрясения пострадал Мехико. Где-то от голода еще умирали люди. Но в Лике никогда не бывало ни небоскребов, ни землетрясений, ни бедности. Лишь на горизонте сверкали молнии уносящихся в небо космоавтомобилей. Лик славился тишиной и умельцами. Делали здесь разные добротные вещи. Сплошь стояли двухэтажные особняки с флюгерами на крышах. По зеленым улицам проезжали велоколяски. А вечером, когда все замирало, погружаясь в отдых, над городом вспыхивали пятиметровые буквы: *Nomunculus*. Пятьсот лет назад посреди города вдруг появилось здание коробчатой формы с этим странным названием. К нему не было ни подъездных путей, ни окон в нем не было. Что оно означало? Серые стены *Nomunculus*'а хранили каменное молчание. Охваченные холодным голубоватым мерцанием, буквы стояли мощно и немо, как античные божества. В общем, оно никому не мешало, и вряд ли кто в Лике догадывался, что под этой коробкой скрыт целый мир со своим солнцем и со своей погодой.

Nomunculus – фирма-монстр – миллион отделов, не считая комбинатов и прошлых предприятий; вещь в себе, перекресток идей, принципов, ускоритель стрессов – психотрон. Одно только ее название предполагало глобальную деятельность. В действительности деятельность фирмы выходила за всяческие пределы.

Прямо под буквами находилась скромная дверь, вечно запечатая для всех, кто ее не умел открывать пинком. Это был вход. Достаточно было появиться у человека идее или принципу, как они прямой дорогой приводили его в *Nomunculus*. Идеи здесь сходились, расходились, переплетались, разрешались и рождали новые, но выхода из *Nomunculus*'а не было, как не было избавления от идей. Здесь все имели идеи и принципы, серьезные и смешные: не быть беспринципным, критиковать, бороться... Даже у беспечной Лижит был принцип – проболтать жизнь. Один лишь Бепле не имел, но это был его принцип – не иметь принципов. И поэтому он тоже попал сюда. Попасть сюда было несложно. Необходимым условием являлось то, чтобы идея или принцип управляли человеком. И вся фирма держалась на каком-то единственном принципе.

Буко прикрутил последние провода и встал, обескураженно поглядывая на свое создание. Запускать машину можно было хоть сейчас. Запустить – не проблема. Не хватало кнопки для выключения машины. Как ее потом остановить?

– Кнопку надо, – пожаловался Буко.

Цицарь потер шею.

– Вызови электрика, – сказал он, взял со стола какие-то бумаги и побежал к начальнику.

^{*}От яйца, т.е. с самого начала (лат.).

Явился Пунтус. Он разбирался в электронике, ремонтировал ЭВМ и ЧПУ и при этом обходился всегда одной отверткой. Он слыл хорошим практиком. Двадцать лет он из принципа работал на одном месте, крутил одни и те же винтики, делал одни и те же ошибки. Он бегло осмотрел агрегат и сказал, поджимая губы:

– Вот что. Кнопок у меня нету. Найдешь – поставлю. В общем, ищи.

Почему так устроен мир, что обязательно надо что-то искать: то истину, то любовь, то кнопки? Где могут быть кнопки? Буко позвонил на комбинат.

– Кнопки у нас нет, – ответил ему энергичный голос старого производственника.

– Вы посмотрите, может быть, где-нибудь завалялись, – попросил Буко.

– Да у нас вообще нету кнопок!

– Как же вы работаете?

– А зачем нам кнопки? У нас непрерывное производство!

«Ну и ну, – озадачился Буко. – На комбинате нету... У Пунтуса нету кнопок. У кого есть кнопки?»

Бывают же смешные мысли, ассоциации, возникающие из ерунды. Вот и явилось Буко: есть ли кнопки у людей? В самом деле, ерунда. Если разобраться, даже у животных есть кнопки в виде инстинктов и потребностей. И у людей – то включится что-то, загорится азартный огонек в глазах, то погаснет. Или вот вдруг смех разберет. Но если серьезно...

– Кнопки у кого-нибудь есть? – громко спросил Буко. В ответ в экспериментальном бюро тихонько засмеялись.

– Буко вышел из конторы. В холле ползи бесконечно длинные плоские металлические черви эскалаторов. Они ползи слева направо, вперед, назад, ползи вверх, вниз и везли коробки, бутылки, людей, насосы, отчеты... Один из эскалаторов завез Буко в длинный и узкий коридор с единственной маленькой дверью. В поисках кнопки Буко решил заглянуть туда и оказался за кулисами. Совсем недалеко от него на трибуне стоял отец Лижит, известный оратор Бернар Во, и читал лекцию в большой зал, заполненный людьми.

– Главной своей задачей мы считаем популяризацию знаний. Знать нужно все! – размахивая рукой, говорил Во. – Мы изучили кислоты и щелочи, соли и газы. Мы можем из одних веществ получать другие. Мы легко управляем сложной техникой. Мы покорили атмосферу и океан. Теперь нам плевать на капризы природы. Мы проникли в органический мир. Мы побеждаем бактерии и вирусы. Мы познали, каким должен быть человек, что такое эмоции, как человек переносит стрессы. И теперь нам на него тоже плевать!

– Простите, у вас кнопки есть? – осмелился спросить Буко.

– Что? – отвлекся Во, глаза у него тускло блестели, словно стеклянные.

– Кнопки, спрашиваю.

– Нет. Нету, – мотнул головой Во и снова обратился к залу. – Так. На чем меня прервали? Ах да, на этом... Так вот, если мы все будем знать, мы можем на все плевать и никого не бояться!

«Конечно, у него нет кнопки, иначе бы он давно остановился, задумался бы над тем, что проповедует.» Расстроенный неудачей, Буко спустился вниз, где размещался отдел труда и зарплаты. Там у входа спорили двое.

– Рост производительности труда должен опережать рост зарплаты, чтобы фирма не разорилась, – говорил худой гражданин в замусоленном костюме.

– Не в деньгах счастье. Деньги – зло, – возражал розовенький толстячок.

– А что же делать, если отменили деньги? Заниматься натуральным хозяйством, свиней разводить? Деньги – это мера труда. Посредством денег люди обмениваются трудом. Пока существуют труд и люди, будут существовать и деньги.

От толстяка терпко пахло одеколоном.

– Это заколдованный треугольник: есть люди и труд – нет денег, есть люди и деньги – нету труда, потому что зачем же работать милиционеру? А если есть труд и деньги – то это уж не человек, если он скуп и накопительством занимается.

– А наша задача найти в этом треугольнике среднюю линию так, чтобы ни денег, ни труда, ни людей...

– Извините, у вас кнопки есть? – перебил Буко.

Двое переглянулись.

– Кнопки в магазине, – сказал толстячок.

Высоко на своде клонилось к закату искусственное солнце, белое, как бельмо. Небо здесь днем было оранжевое, а ночью – бурое. Буко пересек улицу, полную автомобилей и людей. Идея купить в магазине кнопку казалась ему наиболее подходящей. Буко вспотел – было душно и ничто еще не предвещало обещанного дождя. В магазине, создавая прохладу, работали кондиционеры. На витринах стояли книги: «Нравственные нормы отношений между мужчиной и женщиной», «Пособие для проживания жизни без ошибок», том 38, «Пособие по воспитанию детей».

«Конечно, хотя в *Notunculu*'е дети не рождаются, но надо знать, как их правильно воспитывать», – думал Буко, разглядывая синюю книжицу.

Все книги в магазине были синими. Среди них попадались синие галстуки, отвертки, синие лампочки.

– У вас кнопки есть? – спросил он продавца.

– Нет, – и продавец-девушка в синем форменном халате с номером на груди учтиво улыбнулась. – Есть новинка книжной полки – «Каким должен быть человек». Издание тринадцатое, дополненное и переработанное. Хотите?

– Спасибо, – ответил Буко. – Я читал двенадцатое издание. Каким должен быть человек – в общем, понятно. Признаться, я пока не могу понять, каков он есть на самом деле.

– Простите, это уже не из нашей области, – снова улыбнулась продавец. – Обратитесь к психиатру. Может, там вам помогут.

Ни с чем Буко вернулся в отдел. Вокруг Лижит еще гудела компания:

– Какую на сегодня погоду передавали?

– Дождь.

– И вы думаете, будет дождь?

– Если передавали, значит будет. Здесь так устроено.
– Зачем на улице создавать искусственную жару, а в помещении тратить электроэнергию на кондиционирование?
– Из принципа!
– Оттого и беспорядок в нашей фирме.
– Администрации лучше знать, порядки это или беспорядки, – слышался черствый голос Грабиса.
– А мне вчера сон приснился, будто приходит ко мне в общежитие сам господин президент нашей фирмы. Я, естественно, угощение готовлю, усаживаю его за стол. И так будто сидели мы с ним всю ночь, вино пили и всякие проблемы фирменные обсуждали
– Ну и дурной же сон.
– То, что здесь так устроено, это верно. А дождь или будет, или не будет, – сказала Лижит.
– Это почему же? Если уж обещали дождь, так будьте добры выполнять! Зачем же людям голову морочить?
– Это для того, чтобы все думали, что дождь настоящий идет, когда ему вздумается.
– Буко, ты где был? – подбежал Цицарь.
– В магазине.
– Ты сдурел? В рабочее время по магазинам шататься!
– Я же за кнопками...
– Вот узнает начальство, оно тебе покажет кнопки! – Цицарь не злился, а успокоился за Буко, он снова потер шею. – Поищи лучше по отделам. Может, у кого-нибудь есть.
Буко побывал в отделе нормирования, в бюро путей сообщения, заглянул в сектор оздоровительного бега и отдел стандартизации. Ни у кого не было кнопок. Он сам не мог остановиться. Он распахнул дверь в аудиторию, где было жарко и сильно накурено, где стоял гул, как в пивбаре. За столами сидели интеллигентные люди.
– Есть еще такой вариант: повернуть все реки на юг! – выделился чей-то голос.
Буко понял, что попал на заседание ученого совета.
– У вас лишней кнопки не найдется? – спросил он.
– Лишней? Как же! Самим не хватает! – за всех ответил один из присутствующих.
Буко забрел в какой-то серый тупик с плевательницей в углу.
«Почему ни у кого нету кнопок? Ведь фирма такая большая. А кнопка такая маленькая. А может, поэтому и трудно найти кнопку – все равно, что иглолку в стоге сена...»
В тупик вышел человек в синем костюме. На его толстой шее висел галстук, затянутый аккуратно, как ошейник. Наверное, у Буко был очень расстроенный вид, потому что на лице человека из-под очков разбежались насмешливые морщинки. Он остановился у плевательницы и неторопливо достал сигарету.
– Перекур? – дрогнул голос Буко.

Тот кивнул и протянул пачку неудачнику. Буко отказался от угощения.
– Где вы работаете?
– В бюро средств общения. – Человек с наслаждением выпустил струйку сладковатого дыма.
– А что вы там делаете?
Человек снял очки, придумывая, как проще ответить.
– Понимаете, наши предки телеграф изобрели, телефон изобрели, телевизор... Только ведь устарело все. Особенно – письменность. Неэкономично. Трудоемкость большая. Например, сколько бумаги надо исписать, чтобы объяснить то, что и так понятно. А если неправильно поймут да начнут писать опровержения? Вот и изобретаем более совершенное средство и более дешевое. Так, чтобы сразу никаких вопросов не возникало.
– Телекинез? – попробовал уточнить Буко.
Человек улыбнулся.
– Может быть, и телекинез. Пока не изобретено, этого никто не знает.
– А кнопки в вашем бюро есть?
– Кнопки? Кнопка у нас и не должно быть.
Разочарованный, Буко вернулся к своему агрегату.
– Нашел кнопку? – спросил Цицарь.
Буко покачал головой.
Слушай, какие ты все кнопки ищешь? – спросил Бепле.
– Обыкновенные.
– Вон, посмотри, не те?
– Нет. Это канцелярские кнопки. А мне нужны кнопки для выключения.
– Выключатели, что ли?
– Выключатели кнопочного типа.
– Так бы сразу и говорил, – нараспев произнес Бепле. – А кнопок в фирме нету.
– Почему нету? – взволновался Буко.
– Бепле, не городи ерунды, баламут! – рассердился Цицарь. – Додумался тоже!..
– Буко, долго ты будешь кнопки искать?! – раздраженно прикрикнул Фрист.
– А тебе надо скорее? – плутовато засмеялся Бепле. – Не терпится узнать, чем все кончится?
– Просто надоело. Ходит тут целыми днями, кнопки ищет, – огрызнулся Фрист.
– А тебе какое дело? – заступился за Буко Цицарь.
– Не торопитесь. Это тебе не детектив, не убийцу разыскивают. Люди разучились понимать смысл событий, им нужен только острый сюжет, – вздохнул Бепле. – А дело, может быть, вообще не в кнопках.
– А в чем? – непонимающе спросил Фрист.
– Почему мы все носим синие костюмы?
– Из принципа?
– Вот и дело в принципе.

– В каком принципе?! – вконец обозлился Цицарь. – Морочите голову!.. Не огорчайся, Буко. Завтра же с утра найдем тебе кнопку.

Зазвенел звонок, рабочий день кончился, и все заторопились домой, словно убегали от себя...

Буко сидел на балконе и смотрел вниз на мокрую после дождя многолюдную улицу. Ему было печально не от того, что он сегодня не нашел кнопку, а от того, что завтра он ее, вероятно, тоже не найдет. Не найдет и будет целый день сидеть без работы. А как же можно без работы человеку, у которого работа – главный принцип в жизни?

«А может быть, правда, в фирме нет кнопки? – думал он. – Странно это, если такая большая фирма запущена без кнопки. Хотя, фирма – она тоже не обычная, странная. Ведь вон как в ней все устроено. А почему так? Наверное, потому, что у нее такой принцип. Ведь если люди все принципиальные, то и фирму они себе создают принципиальную, подобно нашему основателю. И вот вертится она без остановки вокруг собственного принципа... Но разве можно без кнопки? Когда-то же надо остановиться, осмотреться – куда занесло?.. А может быть, все не так сложно и трагично? И где-нибудь на складе валяются сейчас эти самые кнопки?

На соседнем балконе сидел Бепле и тоже смотрел вниз. Люди внизу были маленькие, точно букашки.

– Бепле, пойдем посмотреть «Горе от ума». Новая экранизация, – окликнул его кто-то из комнаты.

– А чего ее смотреть? – вяло отозвался Бепле. – Сейчас у всех от ума горе.

Искусственное солнце спустилось по стене, скрылось где-то там, вдали, за прокопченными постройками металлургического комбината, и наступила искусственная ночь.

«Зачем здесь нужна ночь? – который раз устало подумал Буко. – Видимо, для порядка? Да, наверное, для порядка. Ведь, если не будет дня и ночи, то совсем ничего не поймешь».

Он достал тонкую длинную сигарету с тисненным золотом названием фирмы, покурив, прислонился к косяку, глядя в высокий звездный свод, и отправился спать.

Он лег на постель и натянул на себя одеяло. Зубы его мелко стучали, а глаза не хотели закрываться. Чтобы согреться, он стал думать о Ней. Но Ней была там, в другом корпусе, в женском блоке. Туда нельзя было ходить. Хотя почему нельзя? Бепле говорит, что это пошло. Поэтому, наверное, и нельзя.

Семей здесь не было, и если в *Notunculus'e* образовывались семьи, то сразу же исчезали куда-то. Исключением являлась лишь династия Во. Но не потому, что это была слишком дружная семья, которую не могла разрушить даже *Notunculus*. Члены семьи Во жили хоть и все вместе, но вроде как каждый сам по себе. Они жили в *Notunculus'e* принципиально, из-за моды на династии.

Буко смотрел в темноту. «Как живут люди, у которых над головами синее небо? Какие принципы управляют ими? Есть ли у них кнопки?» У Буко давно назрела потребность поделиться с кем-нибудь своими сомнениями. Но здесь все были принципиальные, занятые идеями, и никто не расположен

дружественно. Здесь ни у кого не было настоящих друзей, с какими откровенничают о жизни.

Веки у Буко сомкнулись. Всю ночь ему снились бездонное небо и птицы.

В Лике в это время стоял обычный теплый день. Каждый день здесь был теплый и светлый. Как могло случиться ненастье в городе, где люди жили без лишних претензий друг к другу, неторопливо, осмысленно? Тут нет противоречия. Потому что природа создана для жизни. Для бурной жизни – бурная природа, для тихой – тихая, когда цветут медоносные травы и плывут куда-то облака, когда легко дышится, когда так хочется жить...

Утром Буко разбудил висевший над кроватью динамик. Звучал гимн фирмы.

– Давай сделаем так, – приступая к работе, сказал Цицарь. – Я сейчас снабженцев потрясу, на рапорте подниму вопрос о кнопках, а ты пока еще походи где-нибудь, поищи.

У Буко не было выбора. Он вышел в холл, где ползли бесконечно длинные плоские металлические черви эскалаторов, ползли слева направо, вперед, назад, ползли вверх, вниз и везли коробки, бутылки, людей, насосы, отчеты... Иногда с них что-то сыпалось и капало. На площадке валялись упавшие с них очки, микросхемы на гетинаксе, несколько новых напильников и разбитый флакон желтой гуаши. Говорят, потери от транспортировки достигают десяти процентов. Кнопок и среди них не было.

Буко постоял на площадке, робко поглядывая на проезжавших мимо людей. Он заметил Ланчу – соседа по общежитию. Ланчу был прямой, как столб, и медлительный. Его идеей была простота, и работал он из принципа шлагбаумом на железнодорожном переезде. В ветер и в снег Ланчу часами стоял у дороги, провожая взглядом бесчисленные автомобили. Когда приближался поезд, ему кричали в мегафон: «Ланчу, подними руку, ту, в которой ты держишь флажок!» Ланчу поднимал руку с флажком, и это означало, что движение через переезд закрыто.

«Ну откуда у него кнопки? – подумал Буко, и вдруг его охватила такая тоска, что захотелось куда-нибудь уйти, убежать, спрятаться.

Буко заглянул под лестницу. Там Бепле и Фрист играли в карты. Они сидели на подоконнике, между ними лежала полуразобранная колода. Фрист по одной бросал карты, а Бепле на каждую сверху бросал свою карту.

– Король.

– Туз.

– Король.

– Туз.

– Король.

– Туз.

– Еще король.

– Еще туз

– И еще король.

– Туз.

– Постой. Это уже пятый туз. Ты мухлюешь, – сказал Фрист.

– А ты не мухлюешь? – возразил Бепле. – Король-то тоже пятый. И раньше я два короля отбил тузами.

– Ну ладно, – махнул рукой Фрист. – Играем дальше. На тебе еще короля.

– Ну, еще туз.

– Больше нету, – сказал Фрист и стал набирать из колоды карты.

– А ты все кнопки ищешь? – печально взглянув на Буко, спросил Бепле.

– *Omnia mea mecum porto**, – буркнул Фрист, – Чего искать?

– Люди всю жизнь что-нибудь ищут, – возразил Бепле. – Высокую любовь, глубокий смысл, себя... Почему бы не искать кнопки? В конце концов, может быть, именно в кнопках все дело.

– Вчера ты говорил, что не в кнопках, а в принципе, – заметил Фрист.

– Не в принципе и не в кнопках, – засмеялся Бепле. – Дело в людях. Это ведь у нас нету кнопок, у людей.

– А говорил, у фирмы. При чем же тут фирма?

– Ты сам подумай, если у людей кнопок нету, то почему они в фирме должны быть? Люди без кнопок, а фирму себе построили с кнопками? Это противоречит здравому смыслу!

– Опять ты врешь, Бепле, – сказал Фрист. – Материя первична. Сначала кнопки, потом уже люди. И вообще, ты говоришь о кнопках так, будто они смогут существовать во Вселенной. Но если бы во вселенной были кнопки, то можно было бы выключить солнце. А солнце выключить нельзя!

Бепле отряхнул брюки.

– Вот так мы и живем, словно в дурачка играем – у кого сколько королей в колоде, у кого сколько тузов?

– Как с дураками бороться? – Фрист развернул в руке карты. – Ходи, Бепле.

– Бороться-то мы научились. Умеем создавать обстановку нетерпимости, критиковать, жаловаться, – вздохнул Бепле. – Жить не умеем.

– А я не люблю нашу фирму. – Сказал Буко. – Она вовсе не вещь в себе, а одно из течений нашей жизни, когда люди не только не уважают друг друга, но и не хотят друг друга понимать и замечать даже. Наша фирма – *Sapit mortuum***, из которой вывелся новый вид существа – человек искусственный. Искусственный человек создает себе искусственный мир, и одежда у него искусственная, и душа, и мысли. И вся его искусственная жизнь насыщена такими же искусственными проблемами.

Фрист усмехнулся.

– Буко, как можно говорить о жизни всякий вздор так, будто жизнь не ограничена стенами *Nomunculus*'а, а может существовать еще где-то и как-

* Все мое ношу с собой (лат.).

** Мертвая голова (лат.) – оставшиеся в тигле и бесполезные для дальнейших опытов продукты производимых алхимиками реакций; в переносном смысле – нечто мертвое, лишнее живого содержания и смысла.

то? Каких-то птиц придумал, небо голубое... – на лице Фриста выразилось отвращение. – Иди в отдел, там тебе Цицарь уже кнопки нашел.

В бюро по-прежнему было шумно от народа. В позолоченном окне висел кусок оранжевого неба. Цицарь хмуро тер шею.

– Выключателей нету. Есть переключатели – переключать с одного на другое. Давай попробуем заменить. В принципе какая разница?

Буко покачал головой.

– Ты подумай, может, можно, а? – с надеждой спросил Цицарь.

– Они не мощные.

– А выключателей нету, – Цицарь спрятал виноватый взгляд. – Понимаешь, не запланировали...

За ближайшим к агрегату столом сидел Шикс, оплывший, как слизень, и молчаливый. Он все делал плохо, и поэтому ему никогда ничего не поручали. Он сидел весь такой выключенный из жизни.

– А у меня есть кнопка, – негромко сказал Шикс.

– Кнопка? – Буко не поверил своим ушам.

– Да, кнопка, – повторил Шикс и выложил на стол выключатель кнопочного типа.

Цицарь на радостях расцеловал Шикса и побежал к начальству. Буко за полминуты поставил выключатель на место. Теперь машину можно было запускать. И он включил «пуск». Машина дрогнула и начала набирать обороты. В бюро даже разговоры стихли: все замороженно смотрели на агрегат.

– Что ж ты молчал насчет кнопки? – улыбнулся Буко.

– Так она неисправная, – в ответ улыбнулся Шикс.

– Неисправная кнопка?

У Буко вытянулось лицо. Он бросился к агрегату, пытаясь его остановить. Он давил на кнопку. Машина не выключалась. Пространство стало сворачиваться.

Буко понял, что в фирме не могло быть кнопок. Потому что их не имели люди.

– Куда тебя несет? Остановись!

Принципиальный человек в ответ только ухмыляется. Кнопки ему не нужны. Ведь он собой не управляет – им управляют принципы. Мысль рождает мысль, в искусственном человеке просыпаются силы, приводят его в движение, и в пробирке поднимается буря. Неуправляемость – вот принцип фирмы, на котором она была построена и существовала, запущенная раз и навсегда. Буко, как же ты искал в этом мире то, чего в нем не могло быть принципиально?

Пространство сжималось все туже. Последнее, что видел Буко, – в бюро, размахивая руками, вбежал маленький Цицарь. Фирму потрянуло и бросило в прошлое, туда, откуда она начиналась.

А в Лике ничего не изменилось. Сплошь стояли двухэтажные особняки с флюгерами на крышах, по зеленым улицам проезжали велоколяски. Здесь люди управляли своими идеями и принципами. И по-прежнему в Лике не было ни небоскребов, ни землетрясений, ни бедности.

ОСТЕРН

Черная «Волга» развернулась перед изящно вогнутым, приподнятым на сваях зданием администрации Новокузнецка.

– Американцы прибыли, – пропел селектор.

– Самовар в мой кабинет, – распорядился Дронов и потер руки: приключения сами пожаловали...

Из-за большой двери появилось пятеро бледнолицых и встречавший гостей в аэропорту розовощекий личный шофер Дронова Гусев.

– Здравствуйте, господин мэр, – за всех приветствовал Дронова человек в расцвете сил с тонкими усиками, видимо, главный из группы прибывших.

– Конечно, ждали, – радушно улыбнулся Дронов, широким жестом приглашая гостей к столу.

– Я Пол Гром, режиссер и сценарист из Голливуда, – представился усатый, одетый в дорогой костюм с иголки и с бабочкой. – Это – Майкл Пол, мой продюсер, – указал он на долговязого флегматичного человека в дешевом, но строгом костюме, при галстук. – А это Бернар Джем, оператор, который снимает фильм, по поводу чего мы к вам и приехали. – Оператор был одет в полуспортивную, полупляжную курточку и штанишки, и жевал резинку. – А это Пол Гром кивнул на угрюмого человека в летном комбинезоне, – режиссер и оператор документального кино Дэйв Сведензналли. В некотором роде мой оппонент. Он приехал вместе с нами, но с другой целью, о которой он сам расскажет.

Пол Гром говорил по-русски, с трудом подбирая слова, и, когда не находил их, догадливая переводчица подсказывала. Поэтому переводчицу представили скромно: мисс Маргарет Холлс.

Секретарша внесла чашки и сахарницу на подносе. И вытолкала шофера Гусева вон.

– Как вам впечатления о Сибири? – учтиво спросил гостей Дронов.

– Между городами много неухоженной земли, – сказал Пол Гром. – Мы видели: мы ехали поездом с Урала до Новосибирска.

– Это вы про Барабинские степи?

– Но на юге Кузбасса – почти как в Америке, – дополнил Пол Гром.

Угрюмый в летном комбинезоне что-то пробормотал по-английски.

– Господин Сведензналли не удивляется: он бывал на Аляске, – перевела мисс Маргарет Холлс.

Начало складывалось неплохо. Дронов включил связь с приемной:

– Наташа, что у нас к чаю? Пройдись по отделам... или позвони коммерсантам.

К чаю были: блины, варенье из клюквы и виктории, мед, грибы, балык, мясное ассорти с зеленым горошком, конфеты...

– Бренди или коньяк? – предложил Дронов.

Оператор Бернар Джем крутился вокруг чашки: горячо. Сведензналли не морщась прихлебывал чай. А продюсер Майкл Пол флегматично ждал, когда остынет. Пол Гром предпочел к чаю французский коньяк. А мисс Холлс выбрала конфеты.

– И так, что же вас к нам привело? – задал гостям деловой вопрос Дронов.

– Мы хотим снять художественный фильм о гангстерах в Сибири, – за всех ответил Пол Гром. – Мы очень наслышаны о русской мафии... не здесь... там, наверху... в Москве. А мы бы хотели понять процесс на уровне провинции. Да, мы знаем, в вашей стране тяжелая криминальная обстановка... везде. Наши специалисты рекомендовали выбрать местом действия фильма Новокузнецк. Так как по уровню преступности он занимает третье место в России после Москвы и Санкт-Петербурга, и четвертое в мире после Нью-Йорка. У вас на каждой улице можно встретить бандитов.

Дронов вжался в кресло.

– Ваши специалисты ошиблись, – угрюмо сказал он. – К сожалению, Новокузнецк – тихий, провинциальный город. У нас мирные граждане ходят на рынок, где ничего не случается... Правда, автомобильные аварии иногда бывают. Ну, бывает, выпьет человек лишнего... Но с чего вы взяли, что у нас бандиты гуляют по улицам?

– О, эпоха первоначального накопления капитала!.. Передел собственности – земли, построек, заводов, нефти, золота... Так было в Америке сто лет назад во времена ковбоев, когда богател тот, кто стрелял первым, у кого были крепкие нервы и кулаки. Неужели вы никогда не видели вестерн?

– Видели.

– Вестерн – это фильм о диком Западе, когда при грубых нравах и правовом беспределе деньги становились добычей бандитов, а бандиты – правителями. На Западе все это в прошлом. Но теперь это – на Востоке. То же самое – на Востоке! Поэтому и фильм мы назвали не вестерн, а остерн. Это будет фильм о дикой Сибири!

– Интересно, что же вы такое собрались снимать?

– О, не беспокойтесь, фильм художественный, и никаких ссылок на реальных ваших лиц не будет. Игровой фильм снимают совсем не так, как документальный. Наш фильм, собственно, уже снят.

– Уже? – рука Дронова непроизвольно потянулась к пульту связи с местным отделением госбезопасности, но Дронов вовремя спохватился, извинился и вышел.

– Какие американцы к нам приехали?! – спустя полминуты кричал он в трубку спецсвязи в другом месте.

– Из Голливуда.

– Вы поморгали: они уже сняли фильм о Новокузнецке! Как такое могло случиться? Когда? Где?

– Успокойтесь, они снимали фильм в штате Монтана.

– Где?

– В США.

Озадаченный Дронов вернулся в кабинет.

– Господа, вы сказали, что фильм уже снят?

– Да, сэр.

– Где?

– В штате Монтана.

– Но почему?

– Там небольшое население, чтобы мало кто видел, – объяснил Пол Гром.
– Чтобы не пугать Америку русской мафией. Америка боится Россию. Особенно после того, как ваша мафия навела в ней русский порядок, а газета «Филадельфия Икварер» опубликовала статью из «Кузнецкого рабочего» о вашем уголовнике тиражом 900 тысяч экземпляров. Кроме того, там хороший климат, наша японская аппаратура не замерзает и не перегревается. Все актеры – наши и говорят по-английски: сами понимаете, на мировом рынке не ценится русскоязычное кино, а мы работаем на рынок. К тому же, там можно снимать, выпивая виски, что у вас нам не по карману, а водка поддельная.

– Но если фильм снят, зачем же вы приехали?

– О, нужен антураж: новокузнецкие улицы, Привокзальная площадь, коммерческие банки, здание администрации и другие, как это сказать по-русски... притоны.

– Может, лучше в Калтане или в Междуреченске?..*

– О, мы будем снимать везде, мы создадим обобщенный образ.

– Тогда вам лучше в Красноярск.

– Нет, нас интересуют юг Западной Сибири, его природа. Понимаете, в Монтане совсем другая природа. Там нет тополей, терриконов и мало дымят трубы. А еще мы хотим записать шум улиц...

– Это в Таштаголе. **

– В каждом городе улицы шумят по-своему. Мы просим разрешение на съемку. Я плачу. О цене договоритесь с моим продюсером.

Дронов неопределенно повел бровью:

– А кто, собственно, все это придумал? Кто автор фильма?

– Фильм мой, – скромно сказал Пол Гром. – Я режиссер, я сценарист, я нанял актеров и оператора...

– Не хотите ли отдохнуть с дороги, вечерком попариться в бане?

– В русской бане?

– В сауне.

Американцы распрощались до вечера. Вечером Гусев из гостиницы отвез американцев в баню.

Фойе – небольшая, по-домашнему уютная комната. Жалюзи пропускали тусклый свет с улицы. За стойкой хлопотала банщица, она же буфетчица и хозяйка заведения, смешивая в миксере коктейли и раскладывая что-то по тарелкам. В углу заведения урчал холодильник. Американцы в ожидании расположились в креслах за столом.

Приехали два чиновника – один постарше, с большим саквояжем, другой помоложе, с кожаной папкой – оба в одинаковых черных костюмах.

* Небольшие города-спутники Новокузнецка.

** Таштагол – районный центр на юге Кемеровской области, в Горной Шории, которую неофициально величают Сибирской Швейцарией. Днями на улицах там бывает так же тихо, как в тайге, в горах, которыми город окружен

– Господин Дронов извиняется, что не может попариться лично. Мы будем вести с вами переговоры, – с дипломатичной улыбкой объяснил ситуацию американцам тот, что помоложе. – Это господин Сидоров, – представил он товарища. – Моя фамилия Николаев.

– Мистер Тронов – очень вежливый мэр, – по-русски выговорил в качестве комплимента Сведензналли.

– Фамилия мистера мэра происходит не от слова «трон», а от слова «дрон», – поправила более сведущая в русском языке мисс Холлс, – это мистер Дронов, а не Тронов.

– Понимаю, – закивал Сведензналли, – Это от слова «царь». В России сильны традиции монархии.

Сидоров взглянул на мисс Холлс и сказал:

– Простите, я вызову своего переводчика.

– Переводчика? – не понял Пол Гром, и мисс Холлс повторила ему слова Сидорова по-английски. – Но зачем нам два переводчика? – по-английски удивился Пол Гром и попросил мисс Холлс перевести, что достаточно одного переводчика.

– Сэр Пол Гром сказал, что не надо вызывать вашего переводчика, потому что у него есть свой, – сказала мисс Холлс.

– Тогда прошу в номер, господа, – предложил Николаев, приглаживая ладошкой вздыбившиеся волосы.

– Вся жизнь – деловая встреча, – за закрывающейся дверью послышался вздох банщицы.

– Будете платить долларами? – в предбаннике спросил молодой Николаев.

– Разумеется, – шевельнулись усы Пол Грома.

– С вас сто тысяч.

– За что? – удивление застало Майкла Пола за снятием брюк.

– А вы сколько предлагаете? – Николаев невозмутимо развязывал галстук.

– Пять... ну, десять тысяч.

Бернар Джем уже успел раздеться – его финансы не интересовали.

– И за эти деньги вы намерены снимать все, что вам вздумается? В России так не делается.

– Пусть скажут, что конкретно они будут снимать, а мы посчитаем, сколько это будет стоить, – вмешался более старший и опытный Сидоров.

Продюсер достал из кейса список. Николаев передал список Сидорову.

– Улица... площадь... вокзал... рынок... администрация. Это стоит 201 тысячу долларов и 9 центов, – вычислил Сидоров.

– Вы с ума сошли?!

– Расценки государственные. Впрочем, без телесъемок администрации будет дешевле.

– Сколько?

– Около 90 тысяч

– Значит, более 110 тысяч – только за одну администрацию?! – Майкл Пол раскраснелся, еще не побывав в парной.

– Зарплату бюджетникам надо платить, – развел руками Николаев.

– Если вместо Привокзальной площади снимут Театральную*, скидка 10 процентов, – сообщил Сидоров. – А если откажутся снимать рынок и Точирино** – еще 20 процентов.

Пол Гром от волнения заговорил по-английски.

– Что же остается снимать? – перевела мисс Холлс.

– Скажите, что если он поедет снимать в Красноярск, скидка 80 процентов.

Оба режиссера и продюсер зашептались на английском.

– Они согласны уехать? – осведомился Сидоров у Николаева.

– Нет, они все равно будут снимать.

«Придется применить старый русский прием», – подумал Сидоров и достал из саквояжа три бутылки водки.

На вызов банщица внесла фужеры и тарелки с закуской.

– Вы что-нибудь решили? – спросил Николаев.

Американцы кивнули.

– Каково бы ни было ваше решение, за это надо выпить, – официально сказал Сидоров.

Американцы подчинились распоряжению местных властей.

– А о чем, собственно фильм? – простодушно поинтересовался Николаев.

– О, я в нескольких словах расскажу фабулу, – оживился Пол Гром. – В Россию из Латвии, которая отделяется от России, возвращается русский, который почти всю жизнь прожил в Латвии, но вынужден отсюда уехать, так как не хочет научиться говорить по-латышски, чего требуют новые законы страны. Он хочет жить в России, но не знает, как... Он случайно доезжает до Новокузнецка, хотя по дороге его три раза обворовывали в поезде и два раза мимо стреляли на станциях – в Курске и Нижнем Новгороде. Поэтому местные жители, с которыми он заводит знакомства в Новокузнецке, – а все это приезжие – зовут его «Латыш».

– В стране безработица. Латыш понимает, чтобы выжить, ему нужен бизнес. Он хочет стать фермером. Ясно, земля – это основа всего: жизни, любви, здоровья...

– Но тут оказывается, что в Новокузнецке все хотят стать фермерами или дачниками, а земли на всех не хватает. А та земля, которая у местных чиновников, не всем дают.

– Латыш бродит по городу, думая, как бы добыть денег, которые у него кончились еще в поезде. Или хотя бы землю, на которой никто не работает,

* Театральная – очень респектабельная площадь в Новокузнецке, с красивым зданием драматического театра и фонтаном. Привокзальная площадь – весьма суетная, со слишком оживленным пешеходным и автомобильным движением, засилием коммерческих киосков и почти стихийным рынком.

** Точирино – район Новокузнецка, состоящий из частных, преимущественно деревянных домиков, построенных во времена, когда В. Маяковский еще писал «Поэму о Кузнецкстрое».

так как по закону нельзя, так как она еще принадлежит или государству, или межлесхозу, или совхозу, или муниципалитету, то есть городу, или сельсовету, или природоохранной зоне, или уже принадлежит мафии. Тут его встречает местная мафия: «Привет!»

– Впрочем, это лучше видеть, чем слышать, – уверенно произнес русскую поговорку Пол Гром и достал из кейса видеомагнитофон и телевизор. – Пожалуй, я вам покажу отснятый материал.

Остальные американцы, кроме Пол Грома, которые все это уже видели, отправились в парную. Пол Гром вставил кассету – для новокузнецчан.

– Вот Латыш встречает друзей в Новокузнецке – не обращайтесь внимания, что действие разворачивается на фоне улиц города Мизулы штата Монтана – друзей, которые ему говорят, что если нельзя иметь землю ни в Кемеровской области, ни в Алтайском крае, то можно занять участок земли на их границе – пока власти разберутся, чья земля, мы разбогатеем.

– А вот Латыш отвечает: чем посягать на святую землю, лучше я разбогатею на краже автомашин. Старожилы ему говорят: тут пять группировок делят местный автомобильный рынок. Хочешь, чтобы нас убили?

– А это видишь, – Латыш рассердился: не буду я русским, если убьют меня и моих товарищей! Мало мы со времен Куликовской битвы крови пролили?! Нельзя украсть автомобиль – украду деньги в банке!

– Друзья ему: денег в банке нет. Ты думаешь, что шахтеры бастуют из-за того, что у них деньги лишние?

– Латыш упрямый: я свое дело налажу – хоть из металла, хоть из угля... Как будто мало их тут. Да я на экспорт работать буду!

– Ты не в Латвию приехал, – перевел Пол Гром последние слова персонажа.

– За это тоже надо выпить, – перебил Николаев, а Сидоров достал из саквояжа еще три бутылки.

– Вот, смотри дальше, – продолжал комментировать собственный телесюжет Пол Гром, – Латыш говорит: давай металлургический комбинат или какую-нибудь фабрику к рукам приберем. Ему: опоздал, тут уже все приватизировано, езжай обратно. Он: как это все приватизировано? А общежития? Достает Латыш «Макарова» – кх, кх: всегда все можно поделить заново. А вот, видите, милиция услышала, приехала, видит – два трупа, Латыша нет.

– Откуда «Макаров» у Латыш?

– На дороге нашел: валялся.

– Но ведь так не бывает, – заметил привычный к водке Сидоров.

– Что не бывает? – не понял захмелевший Пол Гром.

– Да вот такое...

– Да мало ли чего не бывает в Америке, в Европе или в Индии. У вас, в Сибири, и не такое бывает! Смотри дальше!..

Американцы после парной попрыгали в бассейн, а Сидоров и Иванов ушли в парную, чтобы не смотреть фильм, который уже было понятно, какими приемами сделан и с какой целью. Когда они – разгоряченные – вернулись в

прохладный предбанник, Пол Гром еще азартно комментировал фильм по-русски:

– Вот кузнецкий мафиози хотел Латышу морду набить! А тот: кх, кх – труп; глупый был. Погрузил труп, увез в деревню, вывалил. Другого – кх!.. Погрузил второй труп – увез в деревню, вывалил. А вот сельская милиция возмутилась: это не деревня, а свалка – проехать невозможно! Кх, кх – кто стрелял?

– Ну, а дальше что? – расслабившись, спросил Николаев.

– Латыш купил землю. Ему говорят: лучше поставь в огороде пугало, а то налетят вороны. А он посреди огорода стог сена поставил. Налетели «вороны» на трех «девятках». А из-под сена – скорострельная пушка – бах, бах – от «ворон» «перья» полетели: это моя земля.

– Ну и в чем смысл фильма?

– Каждый народ должен защищать свою землю.

– А как же вы смонтируете фильм, если все действие заснято на фоне американских забегаловок?

– О, это дело техники. Мы сотрем задний план, то есть задний план, поставим вашу атрибутику, и все драки будут происходить на фоне Новокузнецка. О, наливайте! – улыбался Пол Гром.

Сидоров без возражений раскрыл саквояж. От просмотра завершающих эпизодов фильма его прошиб пот. Пот выступил даже более обильный, чем когда он лазал в парную.

– Вам надо принять холодный душ, – посоветовала мисс Холлс.

– От водки и пара американцев стало покачивать. Их русский все больше путался с английским. Бассейн им уже казался мелким, двери узкими, предбанник тесным, но жизнь прекрасной. Тут Сидоров и предложил:

– Чем тратить деньги на глупые съемки, вы их лучше пустите на инвестиции в нашу промышленность. Вложите их, например, в эту баню. Хорошая баня, не правда ли?

– Хорошая, – кивал Пол Гром, пытаясь уловить суть предложения. – Есть выгода?

– И немалая?

– А сколько нужно затратить?

– Сколько долларов поместится на этих стенах. Чтобы в щели не дуло.

– Это я могу.

Николаев достал из кожаной папки документы:

– Подпишите.

– Американцы обклеивали предбанник долларами. Танцевали. Только Сведензналли сидел в стороне и ничему не удивлялся: пустяки в сравнении с древнеримскими спинтариями и религиозными обрядами с жертвоприношениями у ацтеков.

Сидоров, наконец, обратил внимание на скромного режиссера документального кино:

– А вы, собственно, что собрались снимать? Тоже драки на улицах?

Тот заговорил на английском.

– Сэр Дейв Сведензналли, – стала переводить мисс Холлс, – говорит, что он считает неправильными выводы сэра Пола Грома насчет эпохи первоначального накопления капитала в России и хотел бы их опровергнуть на практике с помощью документального кино. Он считает, что культура современной России выше, чем культура Запада в аналогичную эпоху в Америке, а, следовательно, и социально-экономические процессы здесь должны протекать иначе. К тому же Россия переживает не первый, а уже второй этап приватизации – денежный. Он хотел бы снять крупное промышленное производство, предпринимательство, фермерство, социальную сферу и забастовки и на этом основании судить о степени мафиозности Сибири и о роли мафии в жизни людей.

– Ах так... Поехали, – сказал Николаев тоже по-английски и увел Сведензналли из бани.

Когда за американцами приехал шофер Гусев, в предбаннике он увидел продюсера в углу, склонившего голову на плечо оператора, завернутого в простынь, мисс Холлс, лежащую на лавке. Из пустого бассейна торчали ноги Пола Грома. Все спали. Банщица веником выметала отшелушившиеся от стен доллары. Сидоров собирался уходить.

– Куда их везти? – решил уточнить Гусев. – В гостиницу или в вытрезвитель.

– Пусть отдохнут до утра. Они думали, что у нас здесь все ковбои... что каждый только и думает, как бы кого пристрелить... Нет, те времена ушли. Нынешняя эпоха – экономическая.

Утром в кабинете Дронова включился селектор:

– К вам американцы с претензиями.

Пол Гром начал речь от двери:

– Мы выражаем протест по поводу действий ваших чиновник Сидоров и Николаев, которые вынудили нас драться в бане и купить ее...

– Простите, но в администрации города не служат чиновники с такими фамилиями, – возразил Дронов.

– Значит, это были секретные агенты или мафия! Кто приходил в нашу баню?

– Пол Гром недовольно бросил на стол документы, которые он подписал накануне вечером.

– К вам приходил мой приятель, друг детства Сидоров, – изучая содержание бумаг, сообщил Дронов, – артист самодеятельного театра, которого я попросил развлекать вас весь вечер. Вы должны его понять: все артисты любят иногда развлечься.

– А кто такой Николаев?

– Очевидно, это друг Сидорова. Судя по этим документам, Николаев – служащий мелкой частной фирмы, которая специализируется на торговле недвижимостью. Документы оформлены верно. Но никто не вынуждал вас их подписывать. Вот же ваша расписка: «Я, Пол Гром, находясь в здравом уме и трезвой памяти...» Вы добровольно купили стены. Если хотите стены можете забрать.

– А баня?

– А баня останется. Она муниципальная: контрольный пакет акций принадлежит властям.

– Это грабеж! Вы и есть мафия!

– Мы – власть. А власть и должна быть сильной экономически. Разве в Америке не так? Господа, я говорил вам, мафии в Новокузнецке нет.

– Возможно, – сказал Пол Гром. – Да, этой ночью мы ходили по городу искать приключений... Возможно, вы правы, господин мэ... Но исчез Сведензналли! Если это не дело мафии, значит, это дело спецслужб, которые боятся, как бы господин Сведензналли не снял и не выдал какой-нибудь очень интересный фактический информация – чтобы как-то чего не вышло!

– Спецслужбы этим не занимаются, поскольку никакая информация не может представлять угрозу безопасности нашего общества: народ уже чего только не слушался! Да и господин Сведензналли никуда не исчезал. Он снимает фильм о Новокузнецке. Он недавно звонил мне и сказал, что дела у него идут хорошо. Всю ночь он снимал огни города. Утром побывал на заводе. А теперь уехал снимать фермеров.

– Мы тоже хотим снимать! Я буду платить рубли – у меня осталось несколько миллионов!

– Боюсь, что этого вам едва хватит, чтобы оплатить номер в гостинице и вернуться в Голливуд.

Глаза Пола Грома помутнились от тоски.

– Не отчаивайтесь, что у вас не получился фильм о гангстерах в Сибири, – сочувственно произнес Дронов. – То, что вы снимали в Монтане... Пусть это будет фильм об американской мафии: Латыш приехал в Америку. Сюжет тот же самый – стрельба, драки... Это традиционно. Может быть, вы за него получите «Оскар».

– Вы так считаете? Откуда вы знаете сюжет? – Пол Гром призадумался. – Латыш приезжает в Монтану... Его встречает местная мафия... А ведь в этом есть смысл! – Он пожал Дронову руку. – У вас художественный вкус! Пожалуй, мы так и сделаем. О'кей, мы возвращаемся в Голливуд.

На выходе Пол Гром задержался.

– А что делать с баня?

– Приезжайте париться. Как совладелец заведения, отныне вы будете получать свои дивиденды – поверьте. Баня приносит неплохой доход в валюте.

Примерно в это время Николаев на своей «Тойоте» привез Сведензналли в совхоз.

Погода этой весной стояла хмурая, только высыпавший снег смывали дожди, земля то оттаивала, то замерзала.

На дороге они встретили мужика в замасленной куртке, который тащился с сумкой к березовой роще.

– Вы фермер?

Мужик посмотрел по сторонам, почесал нос и кивнул.

– И много фермеров в деревне?

– Да все. Тут у нас совхоз был. А потом землю паями разделили. Тут мужики решили снова скинуться участками... Так что у нас тут целый колхоз фермеров образовался.

– И что же вы делаете?

– На итальянской «Фате» пашем. Сеем и убираем урожай по голландской технологии. Семена тоже голландские. Коров голландских разводим, молоко перерабатываем в сыр «Голландский».

– А как живут в соседней деревне?

– Да во всех деревнях так.

«Бедная Голландия разорена», – догадался Сведензналли.

Они вернулись в город.

– Я хотел снимать КМК.

– Пожалуйста. Вот мартены, где выплавляют высококачественную сталь, вот прокатный, а вот цехи, где из стали делают рельсы и танки, а вот – где их разрезают и пускают на переплавку...

– Круговорот веществ в природе.

– Простые экономические отношения плюс рабочие места...

– Кому все это принадлежит?

– Новокузнецку.

– А кому принадлежит Новокузнецк?

– Таким вот крупным промышленным предприятиям. Он ради них и построен. Вы уже сделали выводы о мафии?

– Сибирь – это иной мир. Это весьма туманное понятие, как физика элементарных частиц.

На шахте и в школе они снимали забастовки.

– Почему они бастуют? У них плохая мафия? – интересовался у Николаева Сведензналли.

– Да нет, они же сами голосовали за эту экономику. И требования выдвигали экономические...

– Чего же они бастуют?

– Вероятно, нравится. Потому что когда будут выборы – они снова изберут то же самое и снова будут бастовать.

– Я хотел бы снять предпринимательство.

Они объехали почти все городские рынки. С видеокамерой на плече Сведензналли бодро врзался с пеструю толпу, смешанную из продавцов и покупателей, и возвращался очень довольный:

– Я снял все, что мне понравилось.

Но когда отъезжали от очередного рынка, он расстроился до слез:

– Пока я снимал, у меня кассету из видеокамеры украли! Надо искать!

– Как искать, когда вы даже не знаете, на каком рынке вас обокрали?

– Воровать это глупо и не ново! – возмутился Сведензналли.

– Увы, за многотысячелетнюю историю своего существования человечество ничего нового не изобрело. Не отчаивайтесь. В качестве компенсации за умеренную плату я могу предложить вам другой видео материал – наши архитекторы сняли прекрасный фильм о Новокузнецке, да и

на местных телестудиях есть что посмотреть. Я вышлю вам кассеты с записями в Америку.

Старенький лайнер компании «Аэрокузнецк» оторвался от взлетной полосы.

– Вы проиграли пари, которое мы заключили перед поездкой в Сибирь, – в самолете сказал Сведензналли Полу Грому. – Как только мне пришлют кассеты с видеозаписями из Новокузнецка я смогу доказать, что в Сибири есть только три гангстера: водка, воровство и человеческая глупость.

Пол Гром смотрел в иллюминатор на облака – скрученное поле сплошной облачности, над которым сияло восходящее солнце, и думал: «Черт бы ее побрал, эту Сибирь, в которой нет мафии.» По бортовому радио транслировался романс «На заре ты ее не буди...»

Сведензналли мрачно потер бороду и добавил:

– Впрочем, в Сибири есть и четвертый гангстер – сибирский юмор. Здесь надо ко всему относиться с юмором.

– Вот кончится эпоха перемен, пойду снова работать на горячее производство, – сказал Сидоров, когда друзья возвращались из аэропорта.

– А сейчас у нас с тобой что – прохладная работа? – возразил Николаев. – Да что такое горячее производство? Это та же баня! Пусть только еще иностранцы приедут... Я им списанную коковую батарею продам.

МУСОРОПРОВОД

На Полосатой испортился канал телепортации. Им пользовались не только для доставки товаров народного потребления, но и для передвижения – в командировку, когда не удавалось договориться с заказчиками по световым каналам связи, в путешествия по иным мирам или в отпуск на Землю. Для этого всего-то и требовалось заплатить монетку и набрать нужный код на компьютере. Стоило удовольствие недорого: звякнули в щелке автомата 5 интергалактических ква – и свисти куда хочешь.

Для передвижения, правда, пользовались им редко: здесь, на окраине вселенной, не было богатых любителей земных пляжей, а деловые партнеры сами приезжали, когда надо. Лишь единственный на планете завод технической керамики поставлял свою продукцию в разные уголки обжитого мирового пространства да местные жители время от времени, насмотревшись рекламы по телевидению, выписывали дешевые инопланетные штучки сверхмассового производства. Поэтому канал телепортации в этом ускользнувшем от божьего провидения крае называли мусоропроводом. Что возьмешь с аборигенов? Полосатая отличалась от Земли примерно как Ивановка от Нью-Йорка.

Планета была богата растительностью, водой и глиной, отчего имела флаг из трех полос – зеленой, голубой и желтой. И гимн: «Свети нам, солнышко, свети...» Полосатая сама себя обеспечивала продуктами питания, посудой и

другими хозяйственными вещами. И жители ее не понимали, что еще нужно для провинциальной жизни?

Неисправность мусоропровода обнаружилась в конце месяца, когда заводу керамики потребовалось отправить очередную партию продукции – фитингов; компьютер деньги поглотил, а продукция осталась лежать в бункере неотправленной. Кто виноват? Вспомнили, накануне Василий получал бритвенный прибор «Жиллетт» – все работало. Думали, Василий и сломал. Потребовали, чтобы для подтверждения работоспособности мусоропровода и собственной реабилитации он выписал себе еще одну бритву, но тот завозражал, мол, двух бритв для одной бороды ему не надо. А если агрегат сломался, то он здесь не при чем, надо просто починить систему. Тут Сергеевна из сочувствия вызвалась рискнуть получить карамельку «Чупа Чупс» для внучки. Канал сработал. Стало ясно: сюда – работает, отсюда – нет.

Чтобы исправить систему, на Полосатой специалистов не было. Пришлось вызвать сантехника с Земли. Благо, хоть в эту сторону мусоропровод работал.

Отпустили в компьютер 5 ква, набрали шифр... послышалась брань, из бункера вышел сантехник – рукава засучены, в каждой руке по грязному гаечному ключу, сумка через плечо, во рту папироска.

– Вы меня от дела оторвали! С вас 15 ква, деньги вперед, квитанцию получите. Что у вас стряслось?

Ему объяснили задачу. Сантехник снова заругался: у техники своя логика. Несколько раз стукнул кулаком по компьютеру. Сказал, что люди темные, просто деньги не туда бросали. Обычное явление, напрасно его беспокоили, он отправляется обратно. Сунулся – не тут-то было. Почувствовал подвох. Открутил крышку, заглянул в сплетение проводов и деталей в устройстве.

– Напарник нужен, – буркнул. – Он у меня толковый, в электричестве разбирается.

Вызвали.

Бункер открылся: с полуочищенной селедкой в руке напарник сидел на табуретке с таким видом, будто его оторвали от стола. Он тоже заругался, крикнул: «В отпуске я, в отпуске!» – и хотел вернуться к столу, но когда понял, что это невозможно, первым делом выписал себе стол, на котором стоял полный стакан водки и початая литровая бутылка. Он похмелился, положил селедку, поковырял отверткой в электросхеме – из нее пошел дым. Задумчиво достал сигарету, прикурил от сгоревшего сопротивления и сказал, что надо вызвать начальника, потому что запчастями распоряжается тот лично.

Набрали нужный код.

– Ах, вот вы где, а я вас по всей мастерской ищу! – закричал начальник, увидев своих слесарей. – Привыкли от работы отлынивать! Какой к черту заказ выполняли? Конец рабочего дня! А ну марш в мастерскую! Все заказы завтра!

Но когда в производственный конфликт вмешались посторонние и объяснили, чего ждут, занервничал: как нужную деталь из нужной ячейки со склада доставить, если весь склад сюда доставить нельзя?

– Придумай что-нибудь, не ночевать же здесь, – сказал ему сантехник.

Но что тут придумаешь?

Заночевали.

– Сколько можно здесь торчать? Отправляй нас обратно как хочешь! Перед моей женой кто будет оправдываться? – утром кричал злой сантехник.

– А я в отпуске, – безразлично сказал напарник и снова напился.

Вызвали бригаду монтажников с новым компьютером.

– Не в компьютере дело, там что-то в механической части заклинило, – едва взглянув на объект, дружно заявили монтажники. – Пусть слесаря исправляют.

И обратились к местным жителям:

– Магазин у вас есть? А танцплощадка? А девочки?

У местных жителей все было, и монтажники ушли на танцы.

– Я его взорву! – кричал разъяренный сантехник и пинал бункер ногами. – Вызывайте правительство, пока не поздно, пока он еще хоть в одну сторону работает!

Сам выписал рекламную газету и стал демонстративно читать.

Чтобы успокоить народ, вызвали министра транспорта и связи местной галактики.

– Дайте микрофон, буду говорить, – обратился он к правлению планеты.

Но микрофона не нашлось, да и о чем говорить, когда надо дело делать.

– Если государство не может отремонтировать мусоропровод, вызывайте коммерсантов. Вот объявление, – сантехник ткнул пальцем в газету. – «Ремонтируем быстро, качественно и недорого».

Куда деваться? Вызвали.

Не успели ребята из коммерческой фирмы разобраться в неисправности, в бункере появились рэкетеры. Никто их не вызывал, они сами появились и потребовали заплатить «налог». Коммерсанты развели руками: еще дело не сделано, деньги не получены. Но рэкетеры настаивали, угрожая, что иначе они и не дадут сделать дело. Пришлось вызывать милицию. Бежать рэкетерам было некуда, завязалась перестрелка. Стреляли аккуратно, стараясь никого случайно не поранить. Но перепуганный народ стал требовать вмешательства Президента вселенной для разрешения конфликта на Полосатой. Кто-то даже успел набрать шифр. Появился Президент в постели. Оторвав от подушки голову, он стал недоумевающе смотреть по сторонам, прикрываясь одеялом.

Тут одна из пуль угодила куда-то в механизм мусоропровода, в нем что-то щелкнуло, сработала ранее набранная на компьютере команда на отправку, и Президент был отправлен заказчику вместо партии керамических фитингов. Перестрелка прекратилась, все вздохнули с облегчением: заработало. И стали грузиться партиями и поодиночке, и отправляться кому куда нужно – милиция, слесаря, министр, коммерсанты и рэкетеры... И завод, наконец,

отправил свою продукцию заказчику с извинениями по поводу ошибочкой посылки президента и с просьбой переадресовать его по нужному адресу.

Потом Сергеевна хотела еще одну карамельку внучке выписать, бросила денежку, а мусоропровод не сработал. Это означало, что теперь и сантехника вызвать было невозможно, чтобы починить механизм. Но никто не огорчился:

– Лучше уж туда, чем оттуда.

– А чтобы и оттуда тоже, Президент нужен хороший.

– Да не Президент, а сантехник...

МОНОЛОГ ХАРОНА С ЦЕРБЕРОМ НА ПОВОДКЕ

– Посмотри, какая красота кругом. Вечные сумерки. Черные тюльпаны цветут. А воздух-то, воздух!.. Фу. Что, песик, приуныл? Обляять некого? Неправда, мир грешен. Вот у этой горки Сизиф работает. Сизиф, ты здесь? Где? Почему не работаешь? Опять перекур? Что, уже сделал? Чего ты наворочал? Смотри-ка, передовик... Почему камень такой маленький взял? Халтуришь! Бери вон тот! Понятно, большой. Работать так работать. Здесь тебе не санаторий. Я тебе дам помощника! С помощником и дурак делает. Может, тебе еще и зарплату платить? Тебе сказали это делать. Вот и делай. Сейчас Цербера отвяжу! Да, всю жизнь на одном месте работать будешь. Ты не вниз кати, а вверх. Сколько сегодня камней закатил? А почему так мало? Когда перевыполнять будешь? Боишься, нормы повысят? Ты не о себе думай, а об общем благе. Что значит, на кой... Разговорился... Нужна эта работа. Нужна! Я сказал. Работай, не халтурь, не срок отбываешь, наверно. Что? Ну и что ж, что загробная. Жизнь – она и есть жизнь. Что абсурд? Вся жизнь – абсурд! Камю сказал. Сосед твой. Хватит ругаться. Прописан? Прописан. Какая разница, где жить. Выписать? На волю хочешь? Тебе дай волю... Как это ты не знаешь, что делать? Вон камней сколько... Ну ты загнул! Вплывь через Ахеронт еще никто не перебрался. Перевезти? Ты меня просишь? Я назад не вожу. Я и за взятку не повезу. Что ты требуешь? Льготы? Пенсию? Требуешь создать в аду райские условия? Хлеба и зрелищ ему... Девочек не надо? Какая забастовка? Это тебе не Кузбасс. Революционер... Что ты там еще ворчишь? Цербер, гавкни на него! Так его, в три пасти. Ишь, социализма захотел... Ну, пойдем, много их еще... Вон пятьдесят девиц воду в бездонный колодец носят. Ух, сейчас повеселимся с бабами. Женский труд у нас в почете...

БИТВА ЗА РАЙ

Мировая война. Бой был страшен. После перестрелки сошлись в рукопашную. Русские и немцы. Возле райского местечка, в котором располагалось село Малая Щедруха. На узком отрезке фронта противники

сосредоточили большие силы. И была бойня. С той и с другой стороны погибли многие. В иных взводах уцелело всего по пять человек.

Понятно, те, кто остался в живых, после боя отошли в тыл – помыться, отдохнуть, горе залить да проспаться, чтобы затем с новыми силами... А вот те, кто смертью пал, тем некогда было ерундой заниматься: только выскочит чья душа из мертвого тела, глядь – а тут других таких же больше, чем живых на земле осталось. И всем на небо надо, у всех один путь. Смотришь, вот только что дрался с ним, с гадом, он тебя убил, а теперь сам норовит вознестись, чтобы раньше тебя в рай попасть. Я его хап за штаны:

– Куда летишь? Тебе в ад надо!

А он:

– Hande weg! Mein Gott ist hier! Geht zum Teufel!*

И снова рукопашная. Я его под дых, он меня мордой об колено, а обоим – хоть бы что, ни одной царапины: души же бестелье. И другие кругом так же помыкались, кто кого к земле оттолкнет, чтобы самому ввысь... Да пустая эта трата времени: сдалась. Там, у ворот райских рассудят, кому куда. Разделились мы тут. Немцы, они во всем порядок любят, построились взводом и строем в ногу – на небеса. А мы как бежали толпой, так и понеслись...

Вот торопимся мы узреть, где на семи холмах небесных град райский, окруженный стенами непревзойденными с воротами узкими для безгрешных... Боимся, в мирное время нелегко человеку в те врата пройти, а каково в наше военное... Там и с других фронтов, небось, и моряки потонувшие, и простые граждане – и поляки, и англичане, и макаронники, и те, кто нынче умер, и кто вчера, кто девять дней назад – всем в рай хочется: христиане же все. Как представили мы толпу несусветную, рай осаждающую, – мурашки по спине: а ну опоздаем, места кончатся или вытолкнут нас из очереди, а то и вовсе не заметят в такой толпе ангелы белокрылые. Спешим: то немцы нас обгонят, то мы их. Вот уж небо кончается – ни холмов, ни стен городских. Дух захватило, приостановились мы, озираемся: то ли заблудились? Куда дальше? Немцы – с нами же – тоже растерянность выражают, в разные стороны в пустоту вселенскую руками машут.

Видим, на краю неба сидит мужичонка замухрышистый и наплевательски ко всему относится. Мы к нему:

– Мужик, как нам в рай попасть?

Он флегматично:

– В город на семи холмах небесных со стенами неприступными, тот, что в Библии описан?

– Ну, да.

– Сказки это все еврейские.

У немцев лица вытянулись:

– За это мы их не били.

Мужичонка снова плюнул с края неба в мрачную бездну:

– Библию-то евреи придумали, а вы и поверили... христиане вы. Эх, и что же это делается в мире? Разные народы друг друга истребляют, как вы вот, и – на небо: где тут рай еврейский? А рай-то там остался, на земле. Библию-то по-еврейски читать надо было, с умом. А там написано: рай существует для живых, а не для мертвых. Стало быть, рай – на земле. Только надо уметь его создать. А так, как сейчас, – этак все народы друг дружку истребят, одни евреи останутся.

– А Бог?

– А что Бог? Бог – он и на земле, и на небе.

Почесали мы тут – кто лоб, кто затылок... Какой-то йог в позе «лотос» поднялся снизу, повисел у нас перед глазами недолго и снова вниз опустился.

– И куда нам теперь?

– Раньше надо было думать. А теперь что? Небо необъятно, всем места хватит. Мало здесь что ли таких как вы? Да не только христиан – и мусульман, и безбожников...

Разбрелись мы печальные, кто куда. Что делать, коль все так обернулось: и жили мы, и умирали, и все – зря. Замешкался я, слышу – постучали негромко, и голос мужичонки того:

– Абрам, открывай, пока никого нет – твоя очередь дежурить.

Скрипнул засов, вспыхнул, как звездочка, неяркий светильник, выхватив из тьмы узкие двери, в которых скрылся мужичонка. Из двери, поеживаясь, вышел такой же мужичонка, только заспанный. Снова скрипнул засов, все стихло и померкло. Мужичонка сел на край неба и стал плевать вниз.

Хотел я вмешаться да не решился: кому я нужен в чужом раю?

ЧТО, ЕСЛИ УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ МИР?

В то время вряд ли кто предполагал, что событие, которое совершается в Новокузнецке, существенно изменит судьбу России, США и всей Земли. Часы у почтамта показывали... Впрочем, это неважно. На Кремлевских курантах тогда было... Очевидно, на четыре часа меньше. Важно, что тот мужик с крылышками в черном, сидевший на скамейке парка Гагарина, рассуждал примерно так:

– Железный век человечества сменился атомным, в котором люди довели до совершенства остроумие грабежей, насилия и убийств, когда смысл бытия извращен, и люди не знают, зачем они живут, чего хотят, когда они боятся встречных на улицах, а дома – себя, своих родных, друзей и партнеров по бизнесу, и когда они думают при этом, что в их страданиях виноват господь Бог или по крайней мере агрессивная окружающая среда.

Судя по высказываниям на эту тему различных российских и иноземных деятелей, собиравшим у телевизоров и на митингах весьма пестрые аудитории, люди выродились, подобно динозаврам, и их эпоха должна закончиться. Он так решил.

В ближайшем кинотеатре демонстрировался фильм «9 ½ недель», увидеть который однажды – уже несчастье в жизни. Но в зале собрались зрители,

* Руки прочь! Мой бог здесь! Иди в черту! (нем.).

чтобы увидеть фильм во второй, а то и в третий раз. Мимо по улице прошла группа девушек, судача о модных вещах, малоприкрывающих тело, высоко отзываясь о низменных состояниях души, о прекрасном в половых извращениях и о достижениях в упадке нравов – студентки, будущие педагоги. Во всем мире дела обстояли не лучше. Увы, человечество не могло дольше существовать. А значит, пора.

Время остановилось. Где-то в мировом пространстве взорвалась психотропная бомба. Небо лопнуло. Волны обошли Землю. Люди бросились к водоемам – озерам, речкам, болотам, колодцам, морям и океанам – и все потонули. Даже те, кто был в пустынях, захлебнулись глотками воды из фляжек или бутылок. Остальные умерли от жажды. Земля очистилась, она была готова принять существ следующей эпохи.

И пока время стояло, мужик, сидевший в парке Гагарина, соображал, какими существами должна заселиться Земля.

Приходилось выбирать из того, что осталось, – никто не намеревался снова замешивать глину для вылепки Адама. А на Земле осталось немало животных, птиц и насекомых. Но, боже, какими они все стали зависимыми от цивилизации, пока царствовал человек! Голуби, питающиеся отбросами из городских мусорных контейнеров, зайцы на сельхозугодьях, пумы в зоопарках... Можно было, конечно, попробовать избрать для продолжения жизни кого-то из них – например, крыс или тараканов... Но ведь творцу не все равно с кем жить.

Для этой цели не подошли бы и коровы. Нет, стоило решить – и развилась бы на планете цивилизация коров. Но как представил мужик из парка Гагарина, что все сохранившиеся дома и дворцы культуры превратятся в хлев, а Новокузнецк – в большой скотный двор, где телята будут удивляться картинам в музее изобразительных искусств и художественных салонах... Оруэлл такого не предвидел. По той же причине он отверг других представителей фауны: должна же быть в событиях причинно-следственная связь. Иначе не избежать момента, когда какие-нибудь цивилизованные хоряки станут недоумевать, как вообще могла зародиться жизнь на совершенно непригодной для этого планете.

Поэтому для продолжения традиции жизни он выбрал неодушевленные создания – из гипса, мрамора и бронзы... Это не противоречило истории: были же в свое время созданы люди медного века из древка копья, железного – из камня... В данном случае не стоило труда придавать избранным благородные формы – ведь он решил оживить... памятники.

Сколько тысячелетий люди увековечивали лучших своих представителей, их красоту, силу, мудрость... Если и осталось что-то ценного от эпохи людей, все осталось в памятниках. Они – достойные продолжатели земной культуры. Разве не приятно снова встретить на улице живого Ломоносова, Пушкина, Михайлу Волкова? Да и обещал же Господь воскресение из мертвых лучшим представителям человечества. Почему бы не таким способом?

Он решил...

И время пошло.

Часы у почтамта показывали все то же, ничего не значащее время, когда ожил Ленин, сошел со своего пьедестала в Кузнецком районе, огляделся и понял, что предстоит все начинать сначала. В Центральном районе с постаментов прыгнул Маяковский и не поверил, что это городсад. В саду металлургов разогнули спины искалеченные сталевары.

В Москве ожили Минин и Пожарский и тоже поняли, что все их прошлые труды напрасны. Одновременно из своих постаментов сбежали: Иван Грозный, Петр I и Ермак работы скульптора Антокольского, Лермонтов и Кутузов в Петербурге, парень, играющий в бабки, и бюст Крылова из Третьяковской галереи, молочница с разбитым кувшином из Царского Села и нимфы, несущие сферы... Помимо древних императоров в Риме высыпали на улицы булочник Эврисак и его жена Антистия, Гай Целий Сатурнин Логмаций, Друз Старший, Тит, Нерва, Антоний Пий... Во Франции к выступившим скульптурам римских воинов присоединились целые полчища знаменитых и малоизвестных личностей, как и в Бельгии, Дании, Германии...

Золотой век памятников начался. Они были так похожи на людей. Они были такими же разными, и каждый хотел от жизни своего. Памятник Колумба – новых вест-индий, памятники королей – собственных царств, памятники ученых – признанных открытий, памятники узников – свободы и революций, памятники воинов – побед, памятники деятелей искусств – невозможного совершенства.

– Коммунизм! – кричали памятники Мао Цзе Дуна в Китае.

– Куда вы прете против законов природы? – недоумевали Ньютоны.

– В первую очередь берем банки, «Интернет» и авиабазы, – ожившие во многих городах Ленины принимались за дело.

– Вот что значит кадры! Доверь создание рая дуракам, и они построят ад! – возмущался Мартин Лютер Кинг. – Где этот мужик с крылышками... сатана? Спрятался, небось, где-нибудь в Сибири, в захолустном городке...

– Вы противоречите своей натуре, – заметили ему. – Мартин Лютер Кинг никогда не говорил такого.

– Да плевать, чего он не говорил! Я не Мартин Лютер Кинг, я его памятник!

– Господа, у меня дикое желание отколоть кому-нибудь нос или ухо, – угрюмо признался памятник Ермаку.

Минин и Пожарский собирали ополчение из бюстов.

В Америке статуя Свободы бросилась в океан и добровольно утопилась от такой жизни. И маленькие христосики сошли с нательных крестиков, и большие – с икон и распятий церковных, все изможденные, с ранами кровотокающими и принялись проповедовать жизнь иную.

Мужик в парке Гагарина окаменел: «Надо же было послушаться человеческих речей... Вот что случается, если всех слушать как правильно жить».

Из библиографии Александра Головкова

«Посуда бьется к счастью...»: [Стихотворение] // Сельская правда. – Новокузнецкий район, 1983. – 1 янв. – (В соавторстве с Т. Андриевской).

Соседи: [Фантастический рассказ] // Сельская правда. – Новокузнецк, 1983. – 12 июля; *то же* // Богданов Е.А., Головков А.А., Ковякин С.К. Просто фантастика: Повести и рассказы. – Кемерово: Книжное издательство, 1990. – С. 177 – 181.

Экспертиза на искренность: Фантастическая повесть // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1983. – № 3. – С. 23 – 41.

История любви: [Фантастический рассказ] // Сельская правда. – Новокузнецкий район, 1983. – 29 сент.; *то же* // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1991. – 22 мая; *то же* // Кузнецкие вести. – Новокузнецк, 1999. – 10 марта; *то же* // Сельские вести. – Новокузнецкий район, 2000. – 28 янв.; *то же* // Люди в квадрате: Проза “Контакта” / Сост. Н. Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 10 – 12.

Кое-что из жизни комнатных мух: [Рассказ] // За комплексную механизацию. – Кемерово, 1985. – 1 янв.; *то же* // Кузнецкие вести. – Новокузнецк, 1999. – 10 марта.

Улыбка Януса: [Фантастический рассказ] // Огни Кузбасса. – Кемерово, 1987. – № 1. – С. 57 – 69; *то же*, под заголовком: Адаптация // Богданов Е.А., Головков А.А., Ковякин С.К. Просто фантастика: Повести и рассказы. – Кемерово: Книжное издательство, 1990. – С. 155 – 169.

Былина: [Рассказ] // Сельская правда. – Новокузнецкий район, 1987. – 10 сент.; *то же* // Богданов Е.А., Головков А.А., Ковякин С.К. Просто фантастика: Повести и рассказы. – Кемерово: Книжное издательство, 1990. – С. 185.

Этот сладкий процесс познания: [Рассказ] // Сельская правда. – Новокузнецкий район, 1988. – 16 апр.; *то же* // Сельские вести. – Новокузнецкий район, 2002. – 14 дек.; *то же* // Люди в квадрате: Проза “Контакта” / Сост. Н. Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 17.

Камни в огороде: [Рассказ] // Сельская правда. – Новокузнецкий район, 1988. – 29 окт.; *то же* // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1989. – 20 окт.; *то же* // Богданов Е.А., Головков А.А., Ковякин С.К. Просто фантастика: Повести и рассказы. – Кемерово: Книжное издательство, 1990. – С. 187 – 188.

Дураки в раю: [Фантастический рассказ] // Сельская правда. – Новокузнецкий район, 1988. – 16 ноябр.; *то же* // Кузнецкие вести. – Новокузнецк, 1999. – 10 марта.

Крючок-петелька: [Юмореска] // ЭКО (Экономика и организация промышленного производства). – Новосибирск, 1988. – № 129 (174). – С. 214.

К слову о критике: [Фантастический рассказ] // Сельская правда. – Новокузнецкий район, 1989. – 11 февр.; *то же* // Богданов Е.А., Головков А.А., Ковякин С.К. Просто фантастика: Повести и рассказы. – Кемерово: Книжное издательство, 1990. – С. 188–190; *то же* // Новокузнецк без политики – Новокузнецк, 1996. – № 21 (150) (июнь – июль); *то же* // Люди в квадрате: Проза “Контакта” / Сост. Н. Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 17 – 19.

Салат из одуванчиков: Рассказ // Сельская правда. – Новокузнецкий район, 1989. – 22 апр.

Чудеса в деревне: [Рассказ] // Сельская правда. – Новокузнецкий район, 1989. – 16 сент.

Отпуск: [Фантастический рассказ] // Мы – “Притомье”: Поэзия и проза молодых литераторов Кузбасса. – Кемеровское книжное издательство, 1989. – С. 156–165; *то же* // Богданов Е.А., Головков А.А., Ковякин С.К. Просто фантастика: Повести и рассказы. – Кемерово: Книжное издательство, 1990. – С. 110–120.

Сто двадцать первая область: Фантастическая повесть // Ветка кедра: Сборник фантастики. – М.: Молодая гвардия, 1989. – С. 137–146; *то же* // Богданов Е.А., Головков А.А., Ковякин С.К. Просто фантастика: Повести и рассказы. – Кемерово: Книжное издательство, 1990. – С. 101–109.

Сто двадцать первая область: Повесть; Отпуск; Человек из пробырки; Вариация на тему машины времени; Адаптация; Слоник с крылышками; Люди в квадрате; Соседи; Билет; Былина; Стронняя организация; Камни в огороде: Ветошь привезли!; Рассказы // Богданов Е.А., Головков А.А., Ковякин С.К. Просто фантастика: Повести и рассказы – Кемерово: Книжное издательство, 1990. – С. 101 – 190.

Блондинка: [Рассказ] // Фантастика – 91. – М.: Мол. гвардия, 1991. – С. 249 – 256; *то же* // Новокузнецк без политики. – Новокузнецк, 1994. – № 16 – 19 (июль-август); *то же* // Сельские вести. – Новокузнецкий район, 1994. – 19 окт.; *то же* // Франт. – Новокузнецк, 1997. – № 66 (27 ноября). – С. 24–25.

Сказка о человеке и его брюхе // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1993. – 17 июля. – (Под псевдонимом Путик А.).

Утром: [Рассказ] // Новокузнецк без политики. – Новокузнецк, 1994. – № 13 (июнь).

Монолог Харона с Цербером на поводке: Рассказ // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1995. – 15 июля; *то же* // Интерпресскон-97. Конкурс сверхкороткого рассказа: [Подборка рассказов, номинируемых на премию “Интерпресскон” по разделу “Сверхкороткий рассказ”]. – СПб, 1997; *то же* // Кузнецкие вести. – Новокузнецк, 1999. – 10 марта; *то же* // Люди в квадрате: Проза “Контакта” / Сост. Н. Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 19 – 20.

Мусоропровод: [Рассказ] // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1995. – 2 сент.; *то же* // Кузнецкие вести. – Новокузнецк, 1999. – 10 марта.

Блуждания-91: Очередной шахтерской забастовке посвящается: [В стихах] // Сельские вести. – Новокузнецкий район, 1995. – 25 окт.

Тринадцатый подвиг: [Рассказ] // Петрушка. – Новокузнецк, 1996. – № 2 (ноябрь). – (Под псевдонимом Перов А.)

Искушение: Почти святочная история // Кузнецкие вести. – Новокузнецк, 1997. – 7 янв.

Остерн: Рассказ // Кузнецкие вести. – Новокузнецк, 1997. – 25 февр., 4, 11 марта.

Кошка не виновата: [Рассказ] // За чистый бизнес. – Новокузнецк, 1997. – 19 мая.

Что, если усовершенствовать мир?: [Рассказ] // Кузбасс. – Кемерово, 1997. – 22 нояб.; *то же* // Кузнецкий рабочий. – Новокузнецк, 1998. – 13 июня.

Долгая осень XX века: Невероятная история, произошедшая в Новокузнецке // Трудовая Россия. – СПб, 1998. – № 10 (69); № 11 (70).

Битва за рай: [Рассказ] // Губернские ведомости. – Новокузнецк, 2001. – 19 мая.

Не смешной рассказ: [Юмореска] // Сельские вести. – Новокузнецкий район, 2002. – 6 сент.

Люди в квадрате: [Рассказ] // Люди в квадрате: Проза “Контакта” / Сост. Н. Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 12 – 16.

История любви; Люди в квадрате; Этот сладкий процесс познания; К слову о критике; Монолог Харона с Цербером на поводке: [Рассказ] // Люди в квадрате: Проза “Контакта” / Сост. Н. Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 10 – 20.

«В животном мире царствует весна...»: [Стихотворение] // Мы помним тебя, Саша: Воспоминания об Александре Головке / Сост. Н. Калашников. – Новокузнецк, 2004. – С. 4 – 5.

Блондинка: : [Рассказ]; Сто двадцать первая область: [Повесть] // Всемирная литература [Электронный ресурс] Т. 4: Г. – М.: Triada, 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – (Электронная библиотека); *то же* // Всемирная литература, 2006 [Электронный ресурс]. Т. 1: А – К. – [М.?; Б.и.], 2006. – 1 электрон. опт. диск. – (DVD-коллекция)

Составил **Н. Калашников**

Рекламно-издательский сектор ЦБС им. Н.В.Гоголя
Тир. 100 экз.